

K 1482463

ес

Нина Груздева

Мы не всё друг другу рассказали

МОЕМУ ПОКОЛЕНИЮ

Да, мы странные люди
Другой, необычной среды...
Сотены наши дни,
Тают годы, как тают мгновенья,
Мы сквозь время идём,
И во времени стынут следы,
И по нашим следам
Уж другие идут поколения.
Сквозь лишения и войны
Все наши дороги прошли,
С каждым днём нас всё меньше,
И жить уж недолго осталось....
Как ни трудно нам было,
Но всё-таки мы сдержали
Нашу русскую душу
И имени в грязь не втоптали...

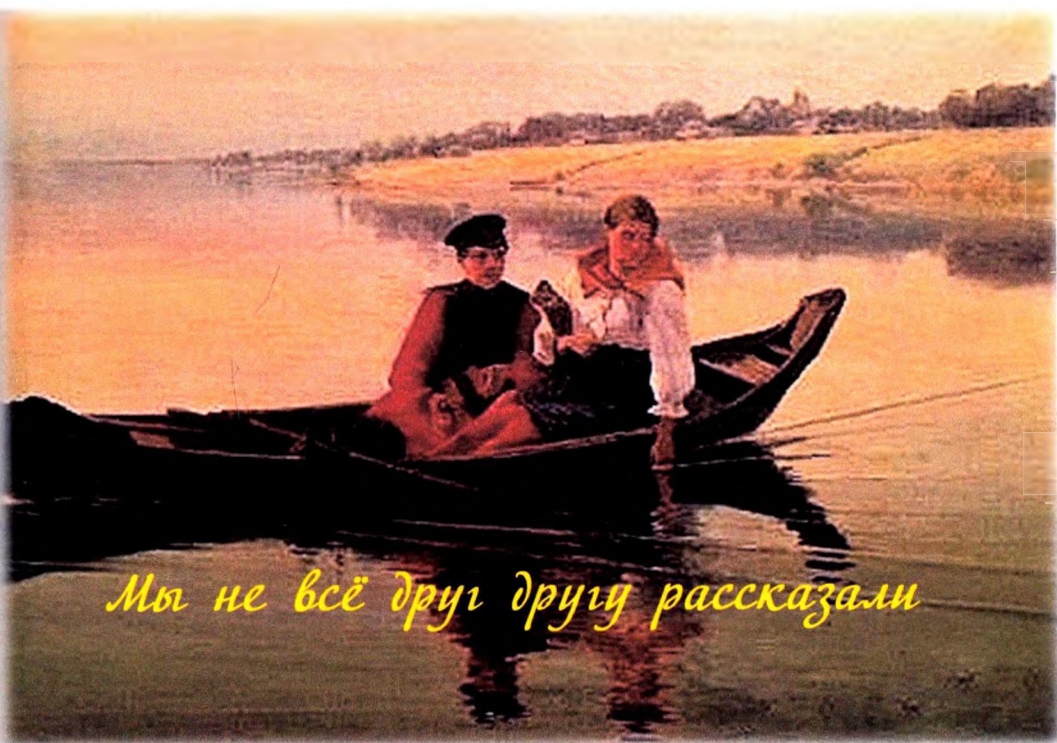
Анна Трубина

К 80-летию
известной русской поэтессы
Нины Васильевны Груздевой
1936 – 2016

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Нина Груздева

Мы не всё друг другу рассказали

Вологда
2016

К 1482463

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. П. П. Бабушкина

Нина Васильевна Груздева
«Мы не всё друг другу рассказали»

Избранные стихотворения
Заметки о литературной жизни

Издательство «Арника»
Вологда, Челюскинцев, 32
160009, Россия
www.arnika35.ru

тел.: +79210611470

Редактор-составитель,
технический редактор
А. С. Алексичев

Тираж – 500 экз.

Мы не всё друг другу рассказали.

ISBN 978-5-4429-0029-3

© Н.В.Груздева, 2016.

ЗВЕЗДА

Сергею Алексееву

Ночь была очень звёздной, когда
Меня мама на печке рожала.
За трубу зацепилась звезда
И на крыше моей ночевала.

Тут отец поспешил на приём,
Он пупок завязал так умело!
А звезда своим синим огнём
Обожгла мою душу и тело.

И с тех пор так любя мне земля
И небесные манят чертоги,
Но с тех пор постоянно болят
Эти звёздные злые ожоги.

ЛЮБОВЬ ВОЛЬНА

Не проклиная тех, кого люблю,
И ревностью слепой не унижаю.
Я в добрый путь любимых провожаю,
А боль свою сама перетерплю.
Не проклиная тех, кого люблю.

Любовь вольна. Её не удержать,
Не заковать её в сундук железный.
Чем мучиться надеждой бесполезной,
Уж лучше непогоду переждать.
Любовь вольна. Её не удержать.

ВСТРЕЧА

Однажды он пришёл за мной
В погожий вечер,
И склонился шар земной
Ему навстречу.

И я совсем легко сошла
Ему на плечи...
Какая музыка плыла
В тот тихий вечер!

И эта музыка звучит
Во мне и всюду,
И кто-то шепчет мне в ночи:
– Мы есть и будем!

Л И С Т И К

Нине Чухиной

Я – не царь, а часть природы:

Как деревья, как трава,
И бывают непогоды,
А сегодня – синева!

Ветерок чуть слышно дышит,
Нежно щёки холодит
И деревья не колышет,
Только листья шевелит.

На душе тепло и чисто.
День хороший проведя,
Отдыхаю, словно листик
После летнего дождя.

З А В Е Т

Я забывай слова родные,
К которым с детства ты привык,
Такие добрые, простые –
Родимой местности язык.

Я их в стихи не допускаю –
Понять не каждому дано,
Но долго мысленно ласкаю,
Когда вдруг вспомнится одно.

Ему я радуюсь, как другу,
И принимаю, как завет,
Бегу девчонкою по лугу,
Куда давно дороги нет.

Уж ночь давно, а всё не спится.

Какие мне вершить дела?
Бумаги чистая страница
На стол передо мной легла.

И я, желая разрешиться,
Чтоб всё увидеть наяву,
Бумаги белую страницу
Своим спасителем зову.

Я ей одной хочу поведать
Всю горечь дней моих и мук.
О, что мне слава, что победа,
Коль есть такой надёжный друг!

ЖЕНЩИНАМ – ПОЭТАМ

*По крайности, есть у поэта
И косы, и тучка. и век золотой...*

А. А. Блок.

Вас ограничивала жизнь

Земным пределом,
А вы отважно занялись
Неженским делом.

Среди забот, трудов, обид,
За всей текучкой
Как успевали вы следить
За малой тучкой?

В глаза злословили враги,
Смеялись хамы,
Вы ж выпекали пироги,
Полив стихами.

Вы есть во всех земных делах,
За всё в ответе,
Стихи же – на вторых ролях,
На первых – дети.

Так постарайтесь сохранить
Детей духовных,
А вдруг окажутся они
Живучей кровных!

...**А** память, сдёрнув покрывало,
Вдруг обнажит бывшие дни...
Моментов светлых было мало,
Но тем и дороги они.

Я устаю от прокламаций,
От истерических певиц.
И от рекламных информаций,
И от разнузданных девиц...
А как прекрасно отключиться
И насладиться тем сполна,
Как время быстрое струится
И что-то шепчет тишина.

Стихи нечаянно придут
И растревожат, обожгут,
И уведут от всех болезней.
Не знаю, явятся ли вновь.
Они приходят, как любовь,
Что кажется всегда последней.

НАЧАЛО ОСЕНИ

Уж стали прохладнее ночи
И дни уж не так высоки,
Ещё незаметная осень
Твои отмечает виски.

В ней много грядущей печали
И всякого много добра.
Она – и раздумий начало,
Плодов и итогов пора.

И так хорошо окунуться
В прохладное это тепло,
Покуда ветра не проснутся
И листьев ещё не снесло.

ДОМАШНЯЯ

Кто к Рубцову, кто к Яшину,
Только я – никуда...
Я такая домашняя,
Как судак в неводах!..

На стене – фотографии...
Как мы были дружны!
Мне теперь одомашнивать
Все четыре стены.

Только мне, одомашненной,
Больше выхода нет...
И Рубцову, и Яшину
Посылаю привет!

ГЕННАДИЮ КОРОТАЕВУ

Благодарю тебя, мой друг!
Ты подарил мне бор сосновый
И воздух, чистый и здоровый,
И этот первозданный луг.

Какая тихая краса!
Тебе я благодарна очень
За то, что я с утра до ночи
Здесь слышу птичьи голоса.

И ярок свет, и зелен лист.
Без пастуха гуляют козы,
И средь лужайки три берёзы,
Как три сестрёнки, обнялись.

ВАДИМУ ДЕМЕНТЬЕВУ

Ты подарил мне оконце в весну,
И на душе зажурчали ручьи.
Луч из-за леса так ярко блеснул.
Хлынуло солнце в покои мои.

Зимнему царству приходит конец.
Скоро капель будет праздновать бал.
Ты мне сегодня, как ранний скворец,
В зимнюю вьюгу весну прокричал.

АРИАДНЕ

О чего нам светло и отрадно,
Между нами, друзья, говоря,
Что у нас родилась Ариадна,
По преданию, дочка царя.
С этих пор мы овяены славой,
Той, что рядом мы с нею живём,
Очень мягкой, немного лукавой
И прекрасной в обличье своём.
И сегодня, как верного друга,
Мы посадим её на престол –
В центре нашего славного круга,
За уставленный яствами стол.
Каждый скажет о ней очень складно,
Что красива она и умна.
Будь здорова, душа – Ариадна,
Будь же счастлива – мать и жена!
И настанет тот день долгожданный:
К свету выведет нас, наконец,
Путеводная нить Ариадны
И её лучезарный венец!

ТАТЬЯНЕ ВОЛОТОВСКОЙ

Пролетело сорок пять
Быстро, без оглядки.
Вот и стала ты опять
Ягодкою сладкой!
Ну и пусть идут года –
Нам-то что за дело!
Только надо, чтоб всегда
Ягодка алела!

ИЛЬЕ СЕЛЬВИНСКОМУ

Загадочен мир интуиций –
Ты очень поверил в мою,
Сравнив меня с певчею птицей,
Летающей к родному жилью:
«Как выверен взмах её крыльев,
Как лёгок и точен полет,
И кажется, что без усилия
Она свою песню поёт.

И радость, и боль в этой песне,
Прислушайся к ней, не дыша,
Шагая тропинкою вешней...
И вся истомится душа!»

ВОСКРЕСЕНИЕ

*М*оя отвергнутая муза
Скиталась по родной земле.
Была она – не «член Союза»,
Но наступил конец зиме.
И то, что в закромах лежало,
И что от сглаза береглось,
Вдруг хлынуло водою талой
На скатерть белую полос.
И строки в жизнь вошли, ликуя,
И отлетело вороньё.
Я приняла любовь людскую
Как воскресение моё!

СЕРГЕЮ ЧУХИНУ

*П*очему мне одной
В этой комнате тесно,
Хоть просторна она,
Будто весь белый свет?
Всё звучат и звучат
Приглушённые песни,
Кто-то должен прийти,
Но кого-то всё нет.
Мне бы просто уснуть,
Мне бы просто растаять
И уйти от всего,
Что тревожит меня,
Но летят и летят
Журавлиные стаи,
Мне тревожные окна
О чём-то звенят.
А родной небосвод
Облаками весь выстлан.
Ни к чему мне уют,
Если нет в нём тебя!
И качает прилив
Мою тихую пристань,

И гудки пароходов
Призывно трубят.
И летят журавли
В край далёкий и южный –
Все к теплу,
Только мне оставляя пургу.
Мне не надо тепла,
Ничего мне не нужно,
Только дайте мне песню –
Без неё не могу!

ДРУГ

Сергею Чухину

*С*еплохи дела у нас, Сережа,

Видишь, Яшин тоже обласкал! –
И пошире кажется дорога,
И повыше вроде облака.

Мы идём, утешенные взглядом,
Словом ободрённые, идём...
И везде-то мы с тобою рядом,
И всегда-то мы с тобой вдвоём!

Не беда, что, обещанья давши,
Яшин скоро позабудет их.
На двоих нам неудачи наши
И удачи – тоже на двоих!

На двоих нам легче жизни ноша.
Нас с тобою не разъединить.
Ты – мой друг – не меньше и не больше.
Разве может что-то больше быть!

Да, любовь... Но мы других любили.
Это уж из оперы другой.–
Там и встречи, и разлуки были,
Это правда, друг мой дорогой!

День листом осенним отлетает –
Не принёс с собою ничего...
Как тебя сегодня не хватает –
Истинного друга моего!

У ПАМЯТНИКА РУБЦОВУ

Мы жил, как Бог, без хлеба и без крыши.
Любой приют – твой временный причал.
Ты говорил – народ тебя не слышал,
Народ других провидцев привечал.

...Давно звенит твоё святое имя:
И все, твоей причастные судьбе,
Провидцы, оказались вдруг слепыми...
О, как они завидуют тебе!

К РЫ Ш А

Николаю Рубцову

Мы были бездомными, Коля,
Но словно родная семья,
И те, кто не знал этой доли,
К нам не набивались в друзья.

Все вместе ходили мы к Неле –
В семейный налаженный быт,
А после брели еле-еле
В общагу меня проводить.

Сказал разволнованный Чухин,
Нашедший у бабки приют:
– Вот ходят какие-то слухи,
Что нам по квартире дают!

И ты усмехнулся, невесел,
Прервав размышления нить:
– Серёжа и уши развесил.
Ключи не забудь получить!

А годы неслись молодые,
И были с тобою друзья
Такие простые, земные,
Как Неля, Серёжа и я.

Мы долго скитались по свету.
Пожил ты в квартире своей
Всего только годик – до смерти,
А я в комнатухе – поздней.

Спрошу я у Господа Бога,
За душу себя теребя:
Откуда сегодня так много
Друзей развелось у тебя?

И пишут, и пишут, и пишут,
И хвастают, – совести нет,
А дали бы вовремя крышу –
И жил бы великий поэт!

Что случилось с душами людскими?

Стало меньше светлых огоньков.
Близкие становятся чужими.
Люди превращаются в волков.

Я друзей стихами не пугаю
И тревожных песен не пою...
...Что, как вдруг нагрянет волчья стая
Прямо в душу нежную твою?

ЗВОНК ИЗ ЮНОСТИ

Здравствуй, Рита Щербакова!

Как из юности привет,
Голос твой я слышу снова
Через сорок с лишним лет!

...Снова я сижу за партой
И историю зубрю,
Города ишу на карте
И с тобою говорю.

Снова памятью вернулась
В наши милые края...
Здравствуй, Рита! Здравствуй, юность!
Здравствуй, Пундуга моя!

Г Д Е В Ы ?

Как частушек распевы

Вечерком хороши!
Где вы, девушки, где вы?
Всем хоть письма – пиши!

Стало вдруг одиноко
Средь задумчивых строк,
Заколоченных окон
И заброшенных троп,

Где до зорьки бродили
Мы по росной траве,
А теперь вы в Сибири,
На Алтае, в Москве...

Прохожу я деревней,
Но безмолвна она,
И, пугая, в ней дремлет
Тишина... тишина...

У родимого крова
Только слышно в ночи:
Гулко мыкнет корова,
Да петух прокричит.

Как бывало, частушки
Не звучат у реки...
Где вы, где вы, подружки,
Где же вы, пареньки?

ДРУЗЬЯМ

*М*ои друзья со мною всюду:

Меня ведут, во мне живут,
И верю, что из прозы буден
На общий праздник позовут.

Нет, нас не разольёшь водою,
И годы нас не разлучат...
Когда друзья мои со мною,
Лихие недруги молчат!

*М*не говорят: «Унынье – грех».

Но, Боже мой, какие силы
Душе помогут взмыть наверх,
Когда вокруг всё так уныло?

И я одна среди бумаг,
И в темноту уходят тени
Моих надежд,
И всюду мрак,
И студит душу
Дождь осенний.

ВИКТОРУ ПЛОТНИКОВУ

От слабого ветра

Легко и обильно
Проходим под ноги
Листва облетает.

Смешается с грязью,
Покроется пылью
Осеннего леса
Краса золотая.

В прощальном тепле
Отогревшись, шемаще
Живая душа
Отзовётся невольно,

И от ошущенья,
Что всё преходяще,
Становится грустно,
Становится больно.

Но верую я –
Катастрофы не будет,
И пусть эта вера
Навечно со мною,–

Что новые листья
И новые люди
Украсят природу
Грядущей весной.

Как весна проснулась рано!

Солнце греет. Небо ясно.
И черёмуха, очнувшись,
Расцвела на Первомай.

...Ветры с севера подули,
И снежком припорошило,
И траву, и тротуары...
А соседка – ах, соседка! –
Сверху вылила на ветку –
На цветущую на ветку! –
Воду грязную с балкона.
Ветка вдруг обледенела,
И на ней повисло много
Грязных маленьких сосулек...
Ах, соседка!

теперь, когда много покоя,
(Настала такая пора!)
Бывает, наступит бывшее
И спать не даёт до утра.

И что это сердце так радо –
Я, право, не знаю сама,
Ведь было-то несколько взглядов
Да три откровенных письма!

Из старых бумаг извлекаю
Я чуть пожелтевший конверт
И будто бы с пылью сметаю
Десяток уж прожитых лет.

И строчки, забытые строчки,
Взорвав покой, и уют,
Меня настигают и точки
Поставить никак не дают.

Как в пору мою молодую
Сошло вдохновенье само,
И мысленно в даль дорожую
Пишу золотое письмо,

Как там, в моей жизни усталой,
На трудном её рубеже
Так тихо и так запоздало
Душа постучалась к душе.

СПАСИБО!

Разреши мне влюбиться в тебя –

Я хочу напоследок влюбиться.

Ни тебя, ни себя не губя,

Я смогу и уйти, и проститься.

Ах, как сладко с тобою молчать

И ловить эти тёплые волны,

Мою лёгкую лодку качать

И дышать глубоко и привольно.

И хотя недалёк берег твой,

Я не стану искать к нему тропку.

Ты мне в душу плесни синевой –

Заночую я в облаке лёгком.

А наутро на землю слечу

Так свободно, легко и счастливо.

Дорогой, я молчу, я молчу.

И за это молчанье – спасибо!

Всё труднее дорога назад,

Всё тесней замыкается круг...

Я так много хочу рассказать

О себе, мой единственный друг.

Так давай соберёмся в тиши

Да у печки вдвоём посидим,

В сокровенные тайны души

Мы друг друга давай посвятим.

Да посмотрим, как угли, шурша,

Превращаются в пепел седой...

Потихоньку отгаёт душа,

Станет снова совсем молодой.

И наступит тогда тишина.

Только руки друг друга найдут,

Будут нежно звучать имена

И слова, что из сердца взойдут.

АПРЕЛЬ

Хитёр апрель: теплом поманит,
Румяный солнца каравай
В окошко весело заглянет –
Хоть в лёгком платье выбегай!

В нём манит всё: и серый камень,
И тёмный снег, и синь небес.
Он разольётся ручейками,
Ласкаясь, под ноги тебе.

Не только первому не верьте –
И весь он хитрый, весь он лжёт,
Из-за угла холодный ветер
Вдруг зимней стужей обожжёт.

И по ночам всё с той же стужей
Зима проходит напролом
И так скуёт и снег, и лужи,
Что не разрубишь топором.

Но осуждать апрель не надо –
Он ручейками говорит.
Зима покуда ждёт пошады,
Да не дождётся – вся сгорит!

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Зима ещё не ставит точки,
И видит утренние сны,
Но чувствуется в каждой почке
Рожденье жизни и весны.

Хоть ветер свеж, но влагой дышит,
И потеплевший, южный он
И ветви трепетно колышет,
И отмечает зимний сон.

1482463
ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

В новогоднюю ночь

Пред тобою в долгу:
Ни понять, ни помочь –
Ничего не могу!

А чего понимать?
Всё ясней и ясней,
Что вдвоём помолчать
Очень хочется мне.

Если б рядом ты был –
Это смысл мой и суть –
Ты бы сердцем светил
Мой завьюженный путь.
Но кругом тишина...
Как снежинкам расцвевать?
И приносит волна
Новогоднюю весть...

БЕРЁЗКА

Стройна, и легка, и наивна,

Стоит на речном берегу,
Как тоненькая балерина, –
Берёзка в глубоком снегу.

И кажется: дунет лишь ветер
И вслед за собой позовёт –
Вдруг по полю, как по паркету,
Берёзка легко поплывёт.

Пронизана солнечным светом,
В коротеньком платье своём.
Тончайшее кружево веток
Природа сплела для неё.

Выйди на воздух морозный

Ранней рассветной порою,
В час, когда поздние звёзды
С утренней спорят зарёю.

Как далеко, посмотри ты,
Провода льются полоски,
И позолотой облиты
Белые кудри берёзки.

Стройные модницы-ели
Зелены, словно весной,
Белые шапки надели,
Ветви накрыв бахромою.

Ветер морозом подышит,
Чтоб на тебя подивиться.
Щёки пожаром запышут.
Иней украсит ресницы.

С Н Е Г

Выхожу я на рассвете

За водою свежую.
Все дома поймали в сети,
Всех людей поймали в сети
Паутинки снежные.

Вижу чудо: через сети
Побежали в школу дети,
Люди удаляются –
Сети раздвигаются.

Стали улицы седыми,
Но как будто молодыми –
Светлыми и нежными,
Всё окутано не дымом –
Лепестками снежными.

О С Е Н Н Е Е

О, неужели, неужели

Вся жизнь вот так и будет литься,
Хоть наши чувства отгорели,
Как эти медленные листья?
А на душе свежо и мгlisto.
Воспоминанья, как в тумане,
По ним, как по опавшим листьям,
Осенний дождик барабанит.

НЕ НАДО ПЕЧАЛИ!

Всё солнцем согрето.

Нескоро морозы.
И бабьего лета
Летают стрекозы.

Тепло и прохлады,
Грудь дышит глубоко.
У ближнего сада
Хлопочет сорока.

Но что так тревожно
Грачи закричали?
Печаль невозможна!
Не надо печали!

Моя холодная заря,

Какую предвещаешь осень,
Ужели скрылась неба просинь,
И скоро время сентября?

Но это будет. А пока
Я жду хорошую погоду,
И в эту медленную воду
Заглядывают облака

АВГУСТ

Глубокая таинственная ночь

Легла на отсыревшую дорогу,
И ветерок ушёл куда-то прочь,
И только свежесть веет понемногу.

Ничем не потревожит тишина,
И сон окутал все дела земные,
Но вот большая круглая луна
Вдруг осветила призраки ночные.

Неясная искрящаяся медь
Ржаное поле всё позолотила.
Здесь только сердце может разуть
Во всём большую дремлющую силу.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Как тепло! И ночи дивные!

Всё утихло. Ветры спят.
Потемнела леса линия,
А над ней горит закат.
Вдалеке мелькает платьице,
Слышен шёпот за кустом,
И луна по небу катится
Золочёным колесом.

Утром было тихо и тепло,
Из-за леса солнышко всходило.
Птица вдруг ударилась в стекло.
Неужели, бедная, разбилась?

И пока стояла птичья звень,
Я с тоской глядела людям в лица.
Было страшно в этот красный день
За себя, за ближних и за птицу.

ОБЛАКО

Какое облако плывёт

В небесном блюде:
То белый кот, раскрывши рот,
То серый пудель,

То словно сизых птицы две
(Скажи на милость!)
Поплыли в ясной синеве
И растворились.

То ветер тучку пронесёт
В небесной чаше...
Изменчиво в природе всё.
Как в жизни нашей.

СОЛОВЕЙ

Вы так влюблённо посмотрели –
И вновь весна в душе моей.
И вновь насвистывает трели
Мой развесёлый соловей!

Один Ваш взгляд – ему спасенье.
Ужель прошёл мой чёрный день?
Сегодня радостно, весенне,
И соловью свистеть не лень.

Ко мне весна приходит редко,
И потому прошу Вас я:
Не запирайте снова в клетку
Моё веселье – соловья.

МУЗЫКА

Когда сижу я в комнате одна,
Одна, свободна от мирских оков,
Чужие, неземные письмена
Прольются сверху строчками стихов.
Я разгадать стараюсь каждый слог,
Созвучья непонятные ловлю,
Напев их многозвучен и высок –
Я музыку высокую люблю.

ПОГАДАЙ МНЕ, ЦЫГАНКА!

Я не верю гаданьям,
Вещим снам, предсказаниям...
Погодай мне, цыганка!
Перед правдой не струшу,
Успокой мою душу,
Погодай мне, цыганка!

Может, ты нагадаешь,
Что его ожидает
Дорогая дорога,
Будет он в моём доме,
Мой крестовый знакомый...
Нагадай, ради Бога!

Пусть всё будет, как прежде,
Дай хоть пищу надежде,
Сердцу бедному – радость,
Моё платье простое
И кольцо золотое
Тебе будет наградой.

А я буду, как прежде,
Жить счастливой надеждой –
Нет ценнее подарка!
Мне сейчас мало значит,
Что всё будет иначе...
Погадай мне, цыганка!

Весна распахнула окошко моё –
Свободная птица!
Она ручейком мне на ухо поёт
И в сердце стучится.
А сердце давно уж готово принять
Приятную новость,
На всё, что угодно: от счастья плясать
И плакать готово!

Я тебе принесла весну.
Ты не чувствуешь – ты продрог.
Видишь – солнечный луч блеснул,
Лишь вступила я на порог!

Ты почувствуй её красу –
Станет жизнь тебе дорога,
В лето жаркое унесу,
В зноем пахнувшие луга,

Где всю ночь говорят ручьи,
Где, как шёлк, холодит трава,
Росы там и руки мои
И чудесные там слова!

Вещь как будто простая,
Только – чудное чудо! –
Подойдешь – и растаю,
И упрёков не будет!

А ведь сколько копила
Всяких колких словечек,
Их язвительной силой
Свою душу калеча!

Подошёл – закипело,
Зашумело ручьями,
Что-то звонко запело,
Заиграло лучами.

Стало небушко выше,
Стало жить интересно...
Почему ты не слышишь
Эту чудную песню?

Что, если на Земле Тебя не будет?
Что, если на Земле Тебя не будет?
Умолкнут птицы в знойном поднебесье.
Черёмухи весной не расцветут.

И в мире будет пусто и мертво –
Не для меня всё будет в мире этом.
Предательски снежинки закружатся,
Напоминая, как с тобою в гости

Бежали мы... И так же мягко
Всё падали и падали снежинки
На кудри непокорные твои...
Мне надо сделать всё,
Чтоб жил ты в мире!

Ноговорили. Объяснились.
Я жду: вот-вот ко мне придёшь,
Чего ты ждёшь, скажи на милость?
Ну, объясни, чего ты ждёшь?

Какие песни напевает
Тебе ночная тишина?
Спроси её – она-то знает,
Что я одна. Всегда одна.
Не потому; что мне негоже
Жить, и волнуясь, и любя,
А потому, что нет дороже
Такого милого – Тебя!
Таких, как ты, совсем немного:
Всего один – на всю страну.
Прошу: найди ко мне дорогу,
Из всех дорог – всего одну!

А на крыше дожди, дожди
Заплетают свой переплёт,
Говорят мне: «Не жди, не жди,
Не приедет и не придёт...»

Ты открой мне такой секрет:
Как решать мне мои дела?
Если писем всё нет и нет,
Значит, память уже ушла.

Не приедешь и не придёшь.
И выходит: живи сама.
А на улице снег и дождь –
Значит, скоро уже зима.

Как мы порой не замечаем,
Что дни бегут. А дни бегут.
И забываем, забываем,
Что где-то наших писем ждут!

С друзьями новый день встречаем,
Страдая, споря и любя,
И жизни той не представляем,
Когда никто не ждёт тебя!

МОИМ СТИХАМ

Еижу над белою страницей,
И чем живу, о том пою.
Мои стихи, мои зарницы,
Вы осветили жизнь мою.
В вас живо всё: и была, и небыль,
Вы все – души моей лучи:
То сильной вспышкой – в полнеба,
То слабым всполохом в ночи.

Когда страшит одиночество,
Не радует солнце весеннее,
Есть у меня Творчество,
Это – моё спасение.

Когда жить совсем не хочется
И всё вокруг – невезение,
Есть у меня Творчество –
Единственное спасение.

Счастье моё горькое,
Счастье моё слабое,
Горками всё, горками,
Горками да ухабами!

Я – на ветру веточка,
Что мне скворцы-щёголи?
Милый, пошли весточку –
Ждать мне тебя долго ли?

Если не спишь ноченьки,
Щёки слезой выбелит,
Станут тускнеть оченьки,
Сердце в золу выболит.

Слушаю я шорохи:
Вдруг постучишь – скажешься.
Если другой – под руку,
Тысячу раз скажешься!

Встреча ли ждёт близкая,
Или печаль просится?

Как бы сказать – высказать,
Что на душе копится?

Счастье моё сильное,
Счастье моё слабое...
Я уж теперь узнала –
Быть тяжело бабою!

С Н О В И Д Е Н И Я

Я летаю во сне,
В тридцать лет я летаю во сне!
Говорят, в этом возрасте
Люди уже не летают,
Лишь бегут и бегут
По песку, по колючей стерне.
Злые силы их там
Неизбежно, как рок, настигают.
Я сначала бегу,
Но такая пора настаёт,
Когда хищник уж руки простёр,
На меня покушаясь, –
Стали крыльями руки мои,
Я рванулась в полёт,
И плыву над домами,
Над сворою злой потешаясь.

В сновиденьях ночных
В синем небе я птицей живу.
Если можно – хожу по земле,
Если трудно – летаю.
Не удержишь меня:
Руки вскину и вплавь – в синеву,
И туда полечу,
Где удача меня ожидает.

Зачем приходишь ты ко мне,
Зачем ночами,
И в этой жуткой тишине
Гремишь ключами?

Ты ходишь в комнате пустой,
А мне – ни звука...
«Постой, постой, – кричу, – постой!
Опять разлука?»

А ты в ответ мне тишину
Со звоном бросишь,
Посмотришь тихо на луну
И снова ходишь.

А я шепчу тебе: «Устал...
Прерви молчанье...»
Но крепко сомкнуты уста
В глазах – прощанье.

Ах, поезд, поезд!

Обрывки речи
Да мимолётная
Прелесть встречи,

Где – только взглядом,
Да сядешь рядом,
Да скажешь слово –
И выйдешь снова!

А поезд мчится
Всё дальше, дальше,
Вагон на рельсах
Танцует вальсы.

В Е Т Е Р

Ах, какой ты, ветер,

От тебя не скрыться! –
Негодуют ветви,
Негодуют листья.
Но не слышит ветер,
Спорить с ним впустую,
Поднимает ветер
Вьюгу золотую.

Нет любви давно,
Но, лишь душу тронь,
Как в костре бревно,
Опалит огонь.
И огнём согрет
Станет ярче свет,
Нет его теплей
И прекрасней нет!
И теперь, мой друг,
Я с собой борюсь:
Погасить боюсь
И разжечь боюсь!

ПРОЩАНИЕ

Вот опять зазмеился по рельсам,
Разрывая вдали синеву...
Ох, не жди ты меня, не надейся.
Больше я не приеду в Москву!

Пусть прольются слезинками росы,
Пусть растопчет цветы вороной,
Брошу, брошу любовь под колеса,
Светлой тенью пройду стороной.

И тебе улыбнутся девчонки,
Будут звёзды смотреться в траву,
Но на самой весёлой вечерке
Я веселье твоё оборву.

И ты вспомнишь под пенью хмельное
Вологодский далёкий вокзал,
Где сидел, где прощался со мною,
Что сказал мне и что не сказал.

Носледний луч ушел за окоём,
Последний ветер стих на ветках зыбких,
И тишина блаженною улыбкой
Повисла над натруженным селом.

Закат истлел и медленно потух.
И ночь сошла недолгим полумраком.
Вот где-то вдруг залаяла собака
Да чей-то в полночь прокричал петух.

Утихло всё до утренней зари.
И первый луч, подкравшийся с востока,
Подсмотрит всё своим горящим оком,
Как станут пробуждаться косари.

О наковальни косы застучат.
Проснётся скот, захлопают ворота,
И позовёт горячая работа
До самого последнего луча.

Светлой памяти монахини
А н н ы Б о р о в и к о в о й

«У сороки боли,
У вороны боли,
А у Нины заживи».

Ту припевку бабушка певала –
Опекала старая меня.
Дров охапку принесёт, бывало,
Да присядет около огня.

И расскажет, что на этом месте,
Где наш дом, тут раньше был пустырь,
И о том, что надо б стать невестой
Да ушла однажды в монастырь.

У неё ни дому и ни лому,
Хорошо, коль люди приютят.
Подчиниться б чувству молодому –
Вот и радость – нянчила б внучат!

Целовала старая икону,
Все молитвы знала назубок,
Подчинялась Божьему закону,
На неё смотрел со стенки Бог.
В этом понимала я не много –
Неоткуда было понимать...

Вот, бывало, схоронюсь за стогом,
И заставлю бабушку поискать.

«Ой, куда пропала, озорница,
Ну-ка выдь, пожалуюсь отцу!...»
Но шумела весело пшеница,
И трава металась по лицу.

Ах, родное, милое раздолье
Да рябин дурманный сладкий цвет!..
Только в сердце отзовется болью –
Анны нет! Старушки больше нет!

Было страшно. Было в мире пусто.
Но, оставив здешние дела,
Жизни нерастраченные чувства
Анна щедро мне передала...

ДЕТСТВО

Еразу выбегу, только одеться.

Мама милая, ты не грусти,
В недалёкое синее детство
Ненадолго меня отпусти!

Я хочу подарить всем знакомым,
Всё хочу я сквозь жизнь пронести:
И заросшую тропку до дома,
И цветы, что цветут на пути.

Всё, что лучшее в жизни, – здесь было,
Всё, что светлое, – здесь началось...
Нет, родимая, я не забыла,
Как несладко порою жилось!

Помню всё. Только я не про это.
Не смотри же встревоженно ты!
Я – про жаркое-жаркое лето,
Про луга, про девчат, про цветы...

Мне не верится: было ли время,
То, когда и беда – не беда,
И тяжёлое бремя – не бремя?..
Но когда это было? Когда?

Было. Помню, когда извешенье
С фронта братову смерть принесло.
Этой чёрной записки значенье –
Нет! – до сердца тогда не дошло!
Ну, не плачь же, я больше не буду!
Перед тем, как отправиться в путь,
Я хочу разузнать, как же люди
Нынче в нашей деревне живут?

– Хорошо,– говоришь? Вот и ладно!
Нынче будет в полях урожай.

Слышу, слышу:

– Хоть пишешь ты складно,
Да почаще домой приезжай!

– Я приеду. Но надо на поезд.
До свиданья!

...По краешку дня

Я иду. И пшеница по пояс
Снова в детство вернула меня...

В П О Л Е

*А*у, здравствуй, некошенный луг!

Привет тебе, поле родное!
Какое раздолье вокруг!
Всё полно красой и покоем.
Здесь скромно травинки цветут
И смотрят открыто ромашки,
И через тропинку бегут –
Торопятся с чем-то букашки.

И столько вокруг синевы,
Полднего яркого зноя!
Здесь сразу забудете вы
Всё мелкое, чуждое, злое.

Как я, посмотрите в зенит –
Там столько добра и простора,
И песня оттуда звенит
Про что-то, своё и простое...

Я помню, мать меня просила,

Когда мне было лет пятнадцать:

– Ты дерево руби по силе,
А то недолго надорваться!

Но, мудрость эту не усвоя,
Порой к себе теряя жалость,
Бралась за самое большое,
Что на пути мне попадалось.

И падала, и надрывалась,
И плакать часто приходилось,
А мать сердилась, мать ругалась:
– В кого такая уродилась?

И, провожая до вокзала,
Хоть деревенский мир и узок,
Она мудрей меня и знала,
Что в жизни много перегрузок.

А я, о прошлом не жалея,
Не в силах совладать с собою,
Беру всё то, что тяжелее,
Беру из жизни только с боем!
И так как день ушедший прожит
Напропалую, без оглядки,
Промчусь по жизни, и, быть может,
Я упаду в неравной схватке.

И скажут люди, умывая
Моё лицо белее мела:
– Чего ж такая молодая?..
– Да жить, наверно, не умела...

ДОМОЙ

Я давным-давно не была

В снежном и родимом краю.
Сыпкая метель замела
Детскую тропинку мою.

Мама не посмотрит в окно –
На стекле узорчатый лёд,
Солнышко не всходит давно,
Вьюга всё метёт и метёт.

К дому я дорожку торю,
Уж до самых-самых сеней,
Открываю дверь, говорю:
«Мама, принимай-ка гостей!»

Вижу, мать у печки сидит,
Волосы блестят на висках,
Красные угли шевелит,
«Здравствуй», – и упала клюка.

Вместе мы сидим у огня,
Сказываю, как я живу.
Мать зовёт в деревню меня,
Я её всё в город зову.

Тяжко это – как не понять! –
Покидать родные края.
Так вот и сидит у огня
Мать моя, старушка моя...

М А М А

Жлаза слезами полнятся.

Бегут-шумят года...
– А помнится, ох, помнится,
Была я молода!..

Начнёт-пойдёт рассказывать
Про прежнее житьё,
Все узелки развязывать –
Всё в памяти своё,

Далёкое и близкое –
Всё было да прошло!
Какой чудесной книжкой
Оно бы стать могло!

Сидим вдвоём.
По комнате
Уже гуляет ночь.
– А помнится, ох, помнится...
Не знаю, чем помочь!..

БАБЫ

*Да разве об этом расскажешь –
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..*

М. В. И с а к о в с к и й.
«Русской женщине».

Бабы, бабы! Когда порою

Попадёшь на их строгий суд,
Все-то косточки перемоют,
Всех-то предков перетрясут!

Бабы, бабы! Вам всё прощаю –
Говорите. А я сейчас
Заварю-ка покрепче чаю
Да с мороза согрею вас.

Новостей я услышу ворох:
Этот умер, женился тот,
Соберёмся опять не скоро –
Ведь работа, она не ждёт!

– Эка дура Смирнова Натка –
Вишь, нашла себе мужика...
– Видно, нет в женихах достатка,
Вдовья доля-то нелегка!

– И за волосы натаскает,
Экой пьяница заводной!
А потом, глядишь, приласкает –
Всё же лучше, чем жить одной!

И судачат себе, судачат,
Забывая минутам счёт,
И пророчат себе удачу,
А удача-то не идёт.

Скажет Анна:
– Вот руки слабы,
Так и ноют в метельный час!
Эх, на отдых нам надо, бабы,
Только кто же заменит нас?

Трудно. Все разлетелись дочки –
Им другие брать рубежи.
Только жизнь не поставит точки,
А бежит себе да бежит.

Вам бы жить не десятки – сотни
Лет. И то не хватило б их...
– Что же, бабы, пора на скотный,
Самовар-от, смотри-ко, стих!

И поклонятся на прощанье
По-привычному, невзначай...
Звонко бьют часы расставанье.
На столе остывает чай...

У Т Р О В Д Е Р Е В Н Е

Восток краснеет.

Тишь. Морозно.
Встаёт из труб упругий дым.
Уж небо растеряло звёзды
И стало нежно-голубым.

И ночь пустилась без оглядки...
А следом, разгоня тень,
Родился и привстал на пятки
С пелёнок красный новый день...

Носижу на луговине,

С бабками поокаю,
Полюбуюсь на картины,
Что вокруг да около.

Пендус, Луг, Дудиха, Плоска –
Всё места знакомые...
Снова детства отголоски
Мне они напомнили.

Дом родной... Но в нём чужие
Судьбы продолжаютя,
Только лица, мне родные,
Больше не встречаются...

МОЕЙ РОДИНЕ

Манили южные широты
И зарубежные красоты,
Мы к ним привыкнуть не могли.
Но есть на свете скромный город,
За ним раскинулись просторы
Родимой Харовской земли.

Цвети, земля, и будь свободна.
Из дня прошедшего – в сегодня
Всегда дорога нелегка.
Тропинка, как от сердца вена,
Меня ведёт к родной деревне,
Над ней шумят – бегут века.

Моё родное пепелище.
Здесь и вода и воздух чище
И даже небо голубей.
Здесь всё любимое до боли:
И этот луг, и это поле,
И стайка сизых голубей.

Моя районная держава,
Моё отечество и слава,
И наяву, и в сладком сне
Тобой живу, тебя лелею,
Тебя люблю, тобой болею.
И я в тебе, и ты – во мне!

Высоко летала
И сладко парила...
В раздумье стою,
Опершись на перила.
И нет у меня
Никакого сомнения:
Чем выше летаешь,
Тем горше паденье.

Ц В Е Т Ы

Цветы... Они нужны, как нежность,
Как вдохновенье, как любовь...
И астр пушистых белоснежность,
И скромность синих васильков...
Увидев их, пройдёшь ли мимо?
Цветком – улыбка на устах.
Недаром дарят их любимым,
Недаром праздники – в цветах!

Г Л А З А Л Ю Б И М Ы Е

Глаза любимые
Сверкают плёсами,
И отражается
В них небо осени.
Глаза любимые –
Глаза далёкие,
А мне всё кажется:
Вы где-то около.
Без вас и шагу я
Одна не сделаю,
Меня ведёте вы
Дорогой смелою.
А потеряю вас –
Я стану вдруг слепа,
Не знаю, где идти,
Не знаю, где тропа.
И перед мукою
Я с вами выстою,
Я с вами сильная,
Я с вами чистая.
Вы улыбаетесь –
Мне тоже радостно,
А вы печалитесь –
Мне тоже тягостно.
Глаза любимые –
Глаза далёкие,
А мне всё кажется:
Вы где-то около...

Опять сегодня, как когда-то,
Гудят во мне колокола,
Опять былая боль утраты
В душе иголкою прошла.

Опять мечты мои далёко,
На том забытом берегу,
И в тёмные глазницы окон
Я наглядеться не могу.

Смотрю, не брызнет ли в тумане
Один далёкий огонек,
Но из туманных очертаний
Привет никто послать не мог.

И в окнах тихо. Даже звёзды
Не светят в мглистой вышине,
И лишь один туманный воздух
Ворвался в форточку ко мне.

И в это самое мгновенье,
Как память дней, которых жаль,
Пусть глаз твоих, как дуновенье,
Коснётся тихая печаль.

Заставит вспомнить, словно диво —
В одном далёком далеке
От фонарей ночных красиво
Горели свечи на реке.

Пусть хотя б на несколько минут,
Я твоей мечтою овладею,
Счастьем пусть глаза твои блеснут
И меня проводят, молодея.

Нет, не надо! Вдруг до сердца я
Дотянусь невидимой рукою,
Ведь моей сильнее боль твоя...
Нет, нельзя лишить тебя покоя!

То назад я от тебя бегу,
То себя надеждою питаю,
Все воспоминанья берегу,
Только как забыть тебя — не знаю.

Месяц, а не день, не два,
Как тебя не вижу я,
И твержу, твержу слова:
«Выдержу и выживу!»
Долго глаз мне не сомкнуть
С памятью непрошенной...
Хоть приснишь на пять минут,
Милый мой, хороший мой!..

Я в силах больше жить,
Себя преодолевая,
И чёрных больше нет
Ни ночи и ни дня!
В преддверие любви
Войду, как в двери рая,
И влажный запах рос
Окутает меня.

По росам пробегу,
Как в юности, крылата,
Берёзу обниму,
Оставляю ей печаль,
И расскажу ей всё,
Чем я сейчас богата,
Что хочется мне петь
И ничего не жаль.

И пусть она меня
Вовек не понимает,
На этом вот речном
Цветущем берегу
Шепну ей жарко то,
Что, лишь себе внимая,
Я от чужих ушей
И глаз уберегу.

Я скажу тебе: «Счастливо!
Уходи к другой, счастливо!».
Очень просто, очень лживо
Я скажу тебе: «Счастливо!».

А какое ж это счастье,
Если сердце рвёт на части?
Всё не просто в этом мире,
Всё – не дважды два – четыре!

Если сможешь оглянуться,
Может всё назад вернуться,
И печали и тревоги
Улетят с моей дороги.

Оглянись же! Сердце просит,
Ветерок слова уносит,
И кричат седые дали:
«Вы кому любовь отдали?»

От дождя проливного намокли

Клёны, листья резные клоня...
Что ты так неприветливо смотришь
Из-под тёмных ресниц на меня?

Может, вымолвишь нежное слово
Хоть одно – и рассеется грусть.
Коль такой ты сегодня суровый,
Что ж, сама я тебе улыбнусь!

Ну, вот видишь: светлеет дорога,
И от туч проясняется высь,
И куда-то исчезла тревога,
Да и брови твои разошлись...

Обещания, как снег,

Выпали – растаяли.
Обещания, как смех,
Сыпали – оставили.

Мне снежинок не собрать –
Тают, разливаются.
Мне смешинки не поднять –
Снова рассыпаются.

Всё сиди одна, гадай:
Любится – не любится...
Лучше ты не обещай
То, чего не сбудется...

теперь, когда шагаю мимо я,
Не спросишь, как идут дела,
А я была твоей любимой,
Твоей единственной была.
А вспомню – и самой не верится,
Что целовал средь бела дня,
Что по крутой высокой лестнице
Ты на руках носил меня!
Но погоди, ещё припомним мы,
Да так, что хоть стихи пиши,
Как пригоршнями, счастья полными,
Тебя поила я в тиши.
И станет близким всё далёкое,
Вся боль, все радости, вся жизнь...
Какими меряется сроками
Моё забвение, скажи?
Молчишь. В глаза мне смотришь пристально.
Я думаю: хоть жизнь груба,
Но, может быть, на дальней пристани
Меня иная ждёт судьба...

страданье видеть перестал,
Страдание высокое...
Ты по лицу меня хлестал
Словами, как осокою.
А я была совсем нема –
Вот это расставание!
Нет, я сидела не сама,
А только изваяние.
А я смотрела в те глаза –
Далёкие-далёкие.
Чего-то ты не досказал –
Ходил вокруг да около.
А кудри чёрные твои
Так разливались волнами!
В душе умолкли соловьи.
Ты не спросил, не больно ли?
Поднялся, запросто ушёл
От очага погасшего...
Тебе, наверно, хорошо!..
Мне какво -- не спрашивал...

Мы не всё друг другу рассказали –
Лишь обломки чувств, обрывки речи.
В нашей жизни, словно на вокзале,
Только расставания и встречи.

Только встречи те очень уж кратки
И стократ длиннее расставанья.
Встретиться нельзя нам без оглядки,
А легко ль любить на расстояньи?

Да и кратких встреч не так уж много –
Тем дороже ласковое слово.
Пред тобою – долгая дорога,
Предо мною – ожиданье снова.

Вот опять не те слова сказали,
Душу понапрасну беспокоя.
Вот и снова я, как на вокзале,
Всё машу тебе вослед рукою...

Ае знаю я, ты близок иль далёк,
Но в сердце слышу музыки звучанье,
Ношу в душе горячий уголёк
И слова жду, а мне в ответ – молчанье.

Хочу создать я рай и в шалаше,
Но может быть, стремления напрасны?
Не погуби мелодию в душе,
Не дай же угольку тому погаснуть!

Пройдёт и это... Как снежинка
Растает, и вода сбежит...
И той же ты пойдёшь тропинкой,
И так же близко будешь жить...

А я, быть может, у калитки
Вдруг встречу новую весну,
Жестокою, как эта пытка,
И вновь до зорьки не засну...

Любовь моя, печаль моя
Какою мерой меряются?
А сердце всё не мирится,
А сердцу всё не верится.

Оно разлуку чуяло,
А я (уж делать нечего!)
Шепчу ему, шепчу ему:
– Всё в жизни переменчиво!

Всё в жизни переменится,
Всё в жизни перемелется...
А сердце всё не мирится,
А сердцу всё не верится...

Я несу тебе нежность,
А в глазах твоих снежность.
Неужели, любимый,
Снежность неистребима?
Нет, тебе не солгу я,
Своё сердце сожгу я,
Растоплю твою снежность,
Разбужу твою нежность...
Всё равно растоплю,
Потому что... люблю!

Ах, как сердце кричит!
Хоть не слышно, но больно,
А вокруг всё молчит,
А кругом всё спокойно.
И спокоен скворец,
И спокойна берёза,
Лишь из раны в коре
Будто катятся слёзы...

Забыл, забыл!.. Зову – ни звука!
Молчать? Кричать ли «караул!»?
Ты всё: от встречи до разлуки
Легко молчаньем зачеркнул.
Приди... Явись хоть на мгновенье!
Звать бесполезно! Сумрак. Тишь...
Откликнись! Не хочу забвенья!
...Но как его предотвратишь?..

Манишь ты меня, хоть и не любишь.

Что со мной ты делаешь? Ответь!

От любви не умирают люди,
Только сердце может умереть.

Вот тогда не спрашивай ответа.

Так лови ж огонь, скорей лови!

Пусто человеку в этом свете,

Если сердце глухо для любви.

Ет, уйти мне назад бы,

Да какую тропюю?

Как тебя мне назвать бы,

Есть ли слово такое?

Все слова растяжимы,

Неточны, многогранны...

Самый-самый любимый,

Самый-самый желанный!

Я по льду шла –

Был тонок лёд.

Я мёд пила –

Был горек мёд.

Ох, мне идти

Нельзя по льду!

И нет пути,

А всё ж пойду!

Ох, мне нельзя

Тот мёд не пить –

Твои глаза

Нельзя забыть!

Нельзя, нельзя...

Через – нельзя –

К твоим глазам

Иду, скользя.

Сорвусь под лёд,

Ну, так и быть,

Оставлю мёд

Другой допить...

ОДНАЖДЫ Я СТАНУ ОСТЫВШЕЙ ПЛАНЕТОЙ...

Однажды я стану остывшей планетой.

Умолкнут гудки, тишиною звеня,
Все бури земные, земные приметы
Не будут, мой милый, касаться меня.

И есть от раскаянья верное средство –
Найти оправдание сгоревшей судьбе:
Оставляю и я небольшое наследство –
Я людям оставляю стихи о тебе.

Опять без тебя день сегодняшний начат,
И тянутся годы, о встрече скорбя...
Другая девчонка украдкой поплачет
О том, как я грустно любила тебя...

ПРОШЕДШЕЕ

Мне кажется, я так давно живу!

А жизнь летит, летит, не уставая.
Прошедшее я вижу наяву,
А в нём – моя кибитка кочевая.

Она светло летит через года,
Она уже не знает расстоянья,
Мелькают лица, села, города,
События и встречи, и прощанья...

Я так своё прошедшее люблю!
И знаю всё: кто друг, а кто предатель.
Я отблески мгновений в нём ловлю
Почти как посторонний наблюдатель.

Ты моего прошедшего не тронь,
Не смей входить в него, не зная страха!
В нём есть всегда величественный трон,
И слава, и забвение, и плаха.

ЧАСЫ ПЕСОЧНЫЕ

О, жизнь моя – часы песочные,

Во всех веках необходимые,
Такие хрупкие, неточные,
Но, как и жизнь, неумолимые!
Средь мира бодрствующе-спящего,
Средь суеты и сора пошлого
Шуршат песчинки настоящего,
Спешат из будущего – в прошлое.
...И день зарёю начинается,
Такой роскошной и волнующей...
Песчинки верхние кончаются...
А сколько там песчинок – в будущем?

КАК ЛЕТИТ ВРЕМЯ!

Новогодние дни

Отшумели, отпели.
Новый век натянул
Золочёное стремя.
Десять святочных дней,
Как снежинки, слетели,
Утонули в реке
Под названием Время.
Так же быстро
И снежный февраль отметелит.
Отшумят, отжурчат
Шаловливые воды.
Отзвенит это чудное
Время капли,
И начнётся опять
Обновление природы.
Всё вернётся, вернётся:
Лугов ароматы,
Звуки лета
И вечные краски заката...
Не вернётся лишь то,
Что так в памяти свято,
Не вернутся лишь те,
Кто ушли без возврата...

ОТТРЕЩАЛ ЯНВАРЬ...

Оттращал январь, и март растаял.

И душисто лето отивело,
К югу повернули птичьи стаи,
Вновь деревья снегом замело.
Год как день прошёл.
Но повторится!
Пусть подольше это чудо длится.

Были радости, невзгоды...
Но, пока стремились ввысь,
Пролетели быстро годы,
Как на тройке пронеслись.

Время, друг, не остановишь...
Спим иль бодрствуем пока –
Всё течёт, напрасно ловишь,
Всё по капле: кап да кап...

ВСТРЕЧА НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Новогодняя ночь

Пахнет елью и снегом.
Позади у меня
Целых тысяча лет.
Льётся в душу мою
И с деревьев, и с неба
Серебристо-зелёный
Мерцающий свет.

АЛЕКСАНДРУ ЦЫГАНОВУ

В часы, когда природа дремлет,

И ты один в тиши вечерней,
Остановись, послушай Время.
И ощути его течение...
Такими тихими часами
Я думаю: что будет с нами?..

И жизнь – права, и смерть – права.

Мы все в свои уходим сроки.
Все правы... И мои слова
Пусть не покажутся жестоки.
И мы не ведаем пока:
Жить будем мало или много.
Всем правит Высшая Рука,
И всем намечена дорога.

Нросыпайся! И свободно

Глянь, каким ты стал с утра.
Человек живёт сегодня,
А не завтра, не вчера.
Где вчерашние печали,
Боль, что трудно перевозмочь?
Всё на тёмном покрывале
Унесла с собою ночь.

МОЕМУ ПОКОЛЕНИЮ

Оа, мы странные люди

Другой, необычной среды...
Сочтены наши дни,
Тают годы, как тают мгновенья,
Мы сквозь время идём,
И во времени стыннут следы,
И по нашим следам
Уж другие идут поколенья.
Сквозь лишения и войны
Все наши дороги прошли,
С каждым днём нас всё меньше,
И жить уж недолго осталось....
Как ни трудно нам было,
Но всё-таки мы сберегли
Нашу русскую душу
И имени в грязь не втоптали.

*Но я пойду! Я знаю наперёд,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто всё пройдёт, когда душа ведёт,
И выше счастья в жизни не бывает.*

Николай Рубцов

Когда открылась средняя школа (Пундужская) и я пошла в 8 класс, произошло слияние мелких колхозов в один большой – весь сельсовет стал колхозом «Россия». Это было ошибкой – не было руководителя такого масштаба. Отец мой стал бригадиром в своём бывшем колхозе. Дело было пущено на самотёк. Колхозники по-прежнему работали, но на трудодни ничего не доставалось: ни денег, ни зерна. Кроме того, были ещё и налоги, платить которые было нечем. К нам пришли, сделали обыск и забрали в счёт долга швейную машинку и папин плащ. Больше у нас ничего не было. Кроме того, не дали никому накосить сена на корову, а то, что было запасено дома, увезли на скотный двор. Сохранить удалось только овцу – выручили берёзовые веники, да ещё несколько кур.

Еда – картошка, капуста, огурцы, лук, редька. Выручала картошка. Земля у нас песчаная, и она росла белая, рассыпчатая, вкусная. Очень нравилась северянам и проводникам поездов на северном направлении, покупали её на продажу. На станцию Пундуга за 5 км женщины возили картошку на санках. У каждой по мешку. Поезда стояли по 1-2 минуты. Успела продать – купишь хлеба в железнодорожном магазине. Если нет – и хлеба нет. Вот такое у меня было питание три года: 8-й, 9-й и 10-й классы.

Груздевы: Василий. Нина. Василий Васильевич, Лидия Васильевна

Нина Груздева – студентка Вологодского пединститута

В одном классе со мной учился брат В. И. Белова – Иван. Все три года от голода он казался прозрачным. Мы с ним были лучшими учениками в классе.

Отец не выдержал – заболел. Это был 1955 год – год окончания школы.

Колхозники паспортов не получали, только справки из колхоза, а это не давало права на прописку в городе. Председатель колхоза направил меня в Тотемскую сельхозшколу учиться на бухгалтера. Вернулась – председатель уже другой. Все места заняты. В поисках работы поехала в Харовск. Там поработала заведующей Лещёвской избой-читальней. Мама позвала домой. Освободилось место счетовода в сельпо, хоть какие-то деньги получу. Работа оказалась временной, на период декретного отпуска. Выручила родная школа, приняли библиотекарем на полставки. В семье появились небольшие деньги. Не прошло и года, меня уволили из школы – одному из учителей не хватало нагрузки. Пришлось полгода поработать в колхозном радиоузле – бесплатно.

Тут случайно встретились мы с Джанной Тутунджан.

Как ярко отразила в рисунке мое желание учиться!..

Отец, Василий Васильянович, проработавший 18 лет председателем передового колхоза, много лет болел, за год до смерти, в 1960 году, ему дали персональную пенсию – 40 рублей в месяц. Умер отец 67 лет.

В июне 1960 года освободилось место заведующей сельской библиотекой, меня приняли на постоянную работу.

В то время колхозникам не давали пенсий. Маме дали половину пенсии отца – 20 рублей в месяц.

В 1961 году вышло постановление: разрешалось, учитывая материальное положение, давать студентам вузов стипендию. Я подала заявление в Вологодский пединститут на историко-филологический факультет. И поступила! Маме худо-бедно можно было прожить на 20 рублей, и у меня была маленькая стипендия.

Стипендии не хватало, мать помочь не могла, я заболела. Стала подыскивать работу. Неожиданная помощь майора УВД Леонида Николаевича Буркова помогла стать журналистом. По его рекомендации меня приняли на должность литературного работника многотиражной газеты «За трудовые успехи». Сдавая экзамены за 1-й курс, я постигала новую работу. Газета была непростая – для заключённых. Не секрет, что Волго-Балтийский канал строили и заключённые. В Шексне было четыре колонии: три мужских и одна женская, две – в Белозерском, одна – в Вытегорском районе.

В Пундуге, на колхозном радиоузле, в библиотеке, я была внештатным корреспондентом районной газеты. Редактор Степан Михайлович Морозов часто публиковал мои стихи, заметки, очерки. Это помогло быстро освоить работу в многотиражке. Редактор ушёл в отпуск, я больше месяца одна выпускала газету. Справилась!

С первой полочки я купила наконец зимнее пальто! (Ставка была 110 рублей, в «Красном Севере» корреспонденты получали 60-70 рублей).

В институте пришлось взять академический отпуск на год – подвело здоровье, но с работой справлялась.

В писательской организации меня приняли хорошо. Стихи стали печатать областные и районные газеты.

Через год я стала учиться на вечернем отделении Вологодского пединститута, на втором курсе.

Как только ушла с очного отделения, пришлось искать жильё. Вологда 60-х была сплошь деревянная. Квартиры были только у высокого начальства. Семьи занимали комнаты. Немного пожила в комнате вместе с бабушкой, скоро к ней приехал кто-то из родственников, и я нашла комнату, в которой жили три человека: мать с сынишкой, узкое место отгорожено деду, там нашлось место и моей раскладушке. Дедушка был совершенно слеп, ночами не спал и очень пугал меня. Вскоре нашла другую комнату – в Кривом переулке, в ней жила мать со взрослой дочерью. Удобств, кроме электроосвещения, в таких домах не было. Вода – уличная колонка, мыться – баня, бельё – прачечная. На кровати – хозяйка, на диване – дочь. За шифоньером, на тумбочке, керосинка, бачок для воды, в углу на гвоздях висела наша одежда. На ночь сдвигали стол к комоду, чтобы поставить мою раскладушку. В таких условиях я работала в газете, училась в пединституте, стихи писала! Обедала и ужинала в столовых, контрольные работы писала в областной библиотеке, все необходимые книги читала там же: ночью свет в комнате не включаешь – люди спят.

*Нина Груздева – студентка
Литературного института*

Тётя Настя Молдавская очень любила меня: «Смотрю на тебя и думаю – в таких трудных условиях живёшь, а работаешь, учишься в институте, добиваешься своей цели! А моя Галька закончила десять классов и учиться больше не хочет! Вот если бы ты была моей доченькой».

У тёти Насти жила более четырёх лет. Предложили поселиться в деревянном доме на Набережной Кедрова, недалеко от школы № 1. Бабушка в комнате жила одна. Была заборка, за которой помещались кровать и тумбочка. Я училась уже на заочном отделении Литературного института имени М. Горького. Руководитель семинара И. Л. Сельвинский как-то спросил о моих жилищных условиях, возмутился:

«Как можно так жить да ещё и стихи писать!» Написал первому секретарю Вологодского обкома партии А. С. Дрыгину с просьбой об улучшении моих жилищных условий. Вскоре меня поселили в общежитии обкома пар-

тии в маленькой комнатке на двоих, стали требовать с УВД, которому принадлежала газета, чтобы меня обеспечили жильём, и в 1967 году мне дали комнату в Октябрьском поселке, ведомственную, с подселением.

И. Л. Сельвинский предложил перейти на дневное отделение, обещал, что поговорит с Сергеем Наровчатовым, чтобы тот взял меня в свой семинар. Я написала заявление о переходе на четвёртый курс дневного отделения, мы с Сергеем Чухиным стали студентами стационара. Поговорить с Наровчатовым Сельвинский не успел – умер 22 марта 1968 года, и нас зачислили в семинар С. В. Смирнова.

На четвёртом курсе я жила в двухместной комнате общежития, на пятом – одна в комнате, хотя считалось, что мы живём с Батимой Каукеновой (Батима вышла замуж за Юрия Кузнецова, они снимали квартиру).

После того, как я при поступлении в Литературный институт прошла творческий конкурс, меня взял в свой семинар Илья Львович Сельвинский. Но студенты из семинара Виктора Фёдоровича Бокова мне сказали, что Сельвинский очень строг, на 2-м и 3-м курсах отчисляет творчески слабых, пригласили в семинар Бокова. Пришла послушать, как идёт обсуждение. Боков попросил меня почитать стихи, я прочитала «Где-то месяц плывёт во ржи». Реакция Бокова была неожиданной:

– Ты зачем ко мне пришла?

– Стихи писать учиться...

– А чему тебя учить? Ты уже настоящий поэт!

И Боков взял меня в свой семинар. Но побыть у него в семинаре довелось недолго, только установочную сессию: Боков попал в аварию, ему пришлось уйти из института; видимо, с его помощью стихи Николая Рубцова и мои были напечатаны в сборнике «День поэзии» за 1965 год.

Меня вернули в семинар Сельвинского. Три курса я училась на заочном отделении, благодарна моему руководителю за постоянное доброе отношение к моему творчеству; Сельвинский назвал меня «лучшей поэтессой страны» (*«Лирика. Эпос. Драма»*. «Литературная газета». 26. 4. 1967).

Сельвинского не стало; в сентябре 1968 года я была уже на четвёртом курсе в семинаре Сергея Васильевича Смирнова, закончила институт также в его семинаре. Смирнов начинал занятия с передовой статьи в газете «Правда». В моё творчество не вмешивался, знал, что мои стихи и переводы часто печатались в столичных газетах и журналах. Показал их Смирнову староста семинара Арво Метс; Смирнов назвал стихи «высокой поэзией» и опубликовал в «Дне поэзии» за 1970 год.

«Высокой поэзией» назвал то, что услышал в моём исполнении, известный лирик Василий Фёдоров, которого привёл в общежитие – послушать меня – автор романа «Истоки» Григорий Коновалов.

Стихи часто звучали по центральному радио. Песни композиторов Азона Фаттах и Александра Абрамова можно было слышать по радио, они записаны на пластинках Ириной Бржевской и Геленой Великановой.

В. В. Кортаев, Л. А. Беляев, Н. А. Старичкова, А. Я. Яшин, Н. И. Маслова,
Н. В. Груздева, С. К. Рожнова.

На заднем плане – В. И. Белов, А. И. Сушинов, А. А. Романов, А. А. Сухарев,
С. В. Чухин, А. И. Шабанов и др.

Сергей Чухин,
Нина Груздева.

 1968 году в Северо-Западном книжном издательстве вышла моя книжка «Тропинка».

Вскоре Александр Романов, возглавлявший писательскую организацию в Вологде, попросил стихи для второй книжки. Отдала ему рукопись, в 1970 году получила диплом об окончании Литературного института, приехала в Вологду, и Романов возвратил мне рукопись с прекрасной рецензией известного архангельского поэта Анатолия Левушкина. Других рецензий не было. Я спросила Романова: «Почему в таком случае возвращаете рукопись?» «Нет бумаги», – был ответ.

Диплом нашему курсу дали свободный. Когда мы с Сергеем Чухиним пришли в обком КПСС, в устройстве на работу нам отказали. Чухин смог обосноваться в Грязовце, в районной газете «Сельская правда»; я поехала в Москву, руководство института нашло мне место в районной газете в Талдоме; в августе 1970 года я была уже там: до Москвы, до Савеловского вокзала, три часа на обычном поезде, электрички ходили только до Вербилок.

Моя мечта – получить подмосковную прописку, работать в Москве, в журнале или в издательстве – рассыпалась. В Москве устроиться работать было нетрудно. Журналы «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь» охотно печатали мои стихи и переводы. Меня хорошо знали в издательстве «Молодая гвардия», при нём был русско-болгарский журнал «Дружба» во главе с Иваном Акуловым, бывшим редактором журнала «Уральский следопыт», который публиковал меня. Сергей Орлов, который всегда хорошо относился к моему творчеству, был избран секретарём Союза писателей РСФСР, он поговорил с Вилем Липатовым, вызвал меня, прописка мне была обещана твёрдо. Устроили меня в общежитии Литературного института, выписали денег из литфонда, стала ждать прописки.

Приехал Николай Кучмида – сдавать государственные экзамены за последний курс института. Пришёл ко мне в комнату, пригласил к себе. У него был Василий Белов. Поговорили, Белов попросил меня почитать стихи. Я читала, он просил читать дальше. «Талантливая ты баба, – сказал он. – Зачем тебе Москва? Приезжай в Вологду. Мы дадим тебе жильё, книжку издадим и в Союз писателей примем. Приезжай! – И пригласил назавтра в гостиницу «Москва». – Соберутся лучшие русские писатели, будем говорить о положении современной русской прозы. Думаю, тебе будет интересно послушать».

Подойдя к гостинице, увидела Виктора Астафьева. Сказал, что идёт к Белову. Вошли в небольшой зал, посреди которого были составлены столы, по обе стороны сидели: В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин, Е. Носов, В. Лихоносов, В. Солоухин, В. Шукшин, молодой В. Бондаренко. Я увидела стул в углу, села, увлечённо слушала их разговоры. Было очень интересно. Шукшин спросил обо мне: «Кто такая?» Белов успокоил: «Это наша вологодская поэтесса». Все пошли на перекур, Шукшин подошел ко мне и сел напротив. Состоялся короткий разговор. Я сказала, что закон-

чила Литинститут и жду прописки в Москве. Он посочувствовал мне: «У меня тоже был такой период, очень трудный». Снова сели за столы, и я продолжала слушать их речи.

На следующий день у метро Новослободская встретила Ивана Ивановича Акулова. «Что такая задумчивая?» – спросил он. Сказала: живу в общежитии института, жду прописки в Москве, которую обещают Сергей Орлов и Виль Липатов, а Василий Белов пригласил переехать в Вологду, обещает: жильё, издание книги, приём в Союз писателей. Акулов сказал: «Решай сама. Хочешь в Москве остаться, считай, прописка у тебя в кармане. В нашем издательстве тебя знают, с удовольствием возьму на работу, знаю как прекрасного переводчика. Но квартиру не пообещаю. Я сам купил квартиру на гонорары за издание двух романов. Придется снимать квартиру. Прописку сделаем тебе очень скоро. Но советую подумать: если Белов обещает в Вологде квартиру, это – главное. Решай сама».

Николай Рубцов. Нина Груздева.

На работе всё было хорошо. Начальник управления культуры Антонина Николаевна Голубева относилась ко мне внимательно, и я легко вошла в курс своих обязанностей. Дом в Щеглине был маленький – всего одна комната: печь, заборкой отделена кухня, там была кровать хозяев, в комнате на диване спала взрослая дочь, я – опять на раскладушке. К счастью, управление культуры получило четырёхкомнатную квартиру для общежития, и нас, четырёх работников управления, разместили туда – по комнате на человека.

Сразу после устройства на работу я пошла в Союз писателей, возглавлял его Виктор Коротаев. Белов был в Тимонихе; стала ждать, когда придет. Встретились случайно: Белов шёл в облисполком, я выходила навстречу; сказала: «Ты пригласил меня в Вологду, я приехала. Работаю редактором в управлении культуры».

Мне так захотелось домой! Позвонила Сергею Сергеевичу Орлову: на недельку съезжу навеситить маму в Денисовской, поехала в Вологду в надежде найти работу. Директор Дома народного творчества Инесса Васильевна Зимина сказала, что в управлении культуры облисполкома освободилось место редактора в методкабинете. Я пошла туда, и меня взяли: документы были с собой. Нашла прописку в деревне Щеглино, поехала в Москву за вещами. Итак, я на родине!

Белов сделал вид, что ничего не помнит!

Ему было всего сорок лет, он так убеждённо при Николае Кучмиде звал меня в Вологду.

Когда при встрече рассказала об этом Николаю, тот ответил: «Не знаю, что-то за этим стоит! Что?»

В Союзе писателей ко мне отнеслись очень сдержанно, я поняла, что надеяться на издание книги и получение жилья бесполезно.

Секретарь Союза писателей РСФСР,
лауреат Государственной премии
РСФСР (1974 г.) Сергей Сергеевич
Орлов.

Секретарь Вологодского обкома КПСС,
председатель облисполкома,
Герой Социалистического Труда (1966 г.)
Виктор Алексеевич
Грибанов.

...Если ничего не предпринимать, можно остаться до конца жизни в общежитии. Написала Орлову, объяснила ситуацию, попросила написать в Вологодский обком КПСС с просьбой о моём жилье. Сергей Сергеевич сразу откликнулся. О письме С. С. Орлова секретарю обкома В. А. Грибанову узнала от А. Н. Голубевой. Антонина Николаевна приняла участие в моей судьбе. Мне выделили комнату с балконом в двухкомнатной квартире на пятом этаже нового дома на улице Текстильщиков.

Но для того, чтобы получить её, я должна получить подпись секретаря писательской организации. Реакция Коротаева была неожиданной: «А я могу и не подписать!» – сказал он. «А я тогда напишу письмо Сергею Сергеевичу Орлову о твоём ничем не обоснованном отказе». Коротаев вынужден был подписать

Итак, в 1972 году я получила своё жильё! Мне шёл тридцать шестой год. Рубцова на тридцать шестом году, годом раньше, уже не стало...

Я успешно работала в управлении культуры: выпускала буклеты, брошюры, писала в областные газеты о новостях культурной жизни области, давала материалы на областное радио. Иногда писала стихи.

В марте 1976 года всё изменила встреча с Николаем Задумкиным. Редактор газеты «Вологодский подшипник» пригласил меня, заманил большим заработком, не сказав всей правды: работа на время декретного отпуска корреспондента. К счастью, открылась газета мебельного объединения «Прогресс», генеральный директор Е. В. Степанов принял меня корреспондентом, и я успешно работала до 1981 года, когда серьёзно заболела, часто была на больничном, не могла ездить в командировки, – пришлось уволиться.

Начались скитания одинокого больного человека в поисках заработка, хотя бы временного. Четыре года, пока не стали посылать в командировки, работала редактором в Доме санитарного просвещения, затем – оператором газовой котельной. Перевели на инвалидность. Пенсия была очень маленькая. Подрабатывала корреспондентом в многотиражной газете.

Близился пенсионный возраст. Надо было зарабатывать пенсию. В 1988 году меня приняли в редакцию газеты «Вологодский подшипник», где я проявила себя хорошим работником, в 1990 году переманили на хорошую ставку в газету оптико-механического завода «Время» – корректором и выпускающим. Ездить на работу было далеко, кроме всего, у меня были очень болезненные язвы на ноге. Меня приняли корректором в газету «Вологодские новости», откуда в 1991 году я вышла на настоящую пенсию.

Пенсионеры 1991 года оказались несчастными, Черномырдина завалили письмами. Выступая по телевидению, он обещал исправить ошибку, но Ельцин сказал: «Нет денег». Нас обрекли на полуголодное существование: мне пенсии хватало на полмесяца, на самый минимум. Работать уже не могла. Помогали подруги-дачницы. Всегда помню их и благодарю!

Наступил 1994 год. Лариса Мокшева издала книгу стихов, подарила мне. Замечательные стихи. Почему их не издавали? И я стала думать, как бы и мне издать книжку?

Однажды на улице встретила Александра Грязева, он был председателем писательской организации, пригласил зайти. Решила собрать уцелевшие в сумбурной жизни публикации в центральных и региональных журналах, пригласить Грязева, чтобы он посмотрел. Сохранила не так уж и мало. Грязев согласился прийти, однако со дня обещания минуло полгода. Я часто ходила к писателям. Пообещают прийти, скажут дату и опять – не придут! Увидел Коротаев, спросил: «Нина, ты чего ходишь-то?» «Надо», – ответила я.

Поняла: что-то их сдерживает. Встретила писателя Владимира Аринина. Он работал в газете «Русский Север». Пригласила к себе. Показала публикации. Удивился: «Разве ты ещё не член Союза писателей? А я думал, что давно!» Взял большую подборку стихов, которая вскоре появилась в газете с его прекрасным предисловием.

Через несколько дней встретила на улице Герцена Василия Белова. «Хорошие стихи пишешь, Нина!» – сказал он. – Очень хорошие! Шелухи нет!» – «А ты не первый раз говоришь это!» Он замаялся. Я не могла больше сказать ни слова – ком в горле стоял. В слезах дошла до дома.

Вскоре пришли Александр Грязев и Александр Цыганов. Я разложила перед ними журналы с моими стихами 1965-1973 годов. Цыганов погрузился в чтение. Глаза сияли радостью, будто нашёл клад!

Пригласили прийти в писательскую организацию. Встретила Ольга Шекун, которая много лет работала секретарем и бухгалтером. «Нина Ва-

сильевна, что вы с ними сделали? Пришли от вас возбуждёнными, такими никогда не видела!»

Саша Цыганов сказал: «Надо издавать книгу!» Но где и как? Денег у меня нет. В администрации области меня не знают. Моя подруга Вера Маслова – хорошая поэтесса – работала редактором газеты «Коммерческий вестник», взяла на себя заботы и передала набор издателю Юрию Малозёмову, не взяв с меня никакой оплаты. По просьбе Цыганова художник Эдуард Фролов сделал прекрасный рисунок обложки. Издание одного экземпляра стоило шесть тысяч (неденоминированных) рублей. Смогла занять сто двадцать тысяч, издала всего двадцать экземпляров. Моя месячная пенсия была 119 тысяч. Тираж книги поставила авансом – пятьсот экземпляров. Назвала книгу «Твоё имя».

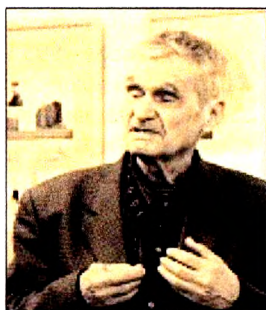

Главный специалист-консультант
Вологодского регионального отделения
Союза писателей РФ
Александр Александрович
Цыганов

Прозаик, издатель, меценат
Юрий Полиектович
Малозёмов

Художник
Эдуард Викторович
Фролов

Мы с Александром Цыгановым готовили и другую книгу – «Воскресение». Я всё больше удивлялась тому, бережно и тонко понимает поэзию душа этого прозаика, мы всё больше становились друзьями.

Я показала стихи Екатерине Филипповне Климушиной, начальнику типографского цеха оптико-механического завода, с которой подружилась, работая в газете «Время», и она, зная про моё безденежье, предложила издать книжку авансом: отдадут весь тираж, пойду выступать и продавать книги, рассчитаюсь за издание...

Пока издавалась книжка, мы с Александром Цыгановым думали, к кому обратиться с просьбой рекомендовать меня в Союз писателей. Обратилась к Белову. Увы, он – член приёмной комиссии в Союзе писателей России, поэтому не имеет права давать рекомендацию, но комиссия будет голосовать за меня. Послала обе книги в Смоленск Виктору Смирнову, с которым заканчивали Литинститут. Книги замечательные, но он тоже – член приёмной комиссии, тоже будет голосовать за меня...

Цыганов посоветовал сходить к Наталье Сидоровой, она пять лет в Союзе писателей, имеет право давать рекомендацию. Она согласилась, но когда я показала её текст Цыганову, тот сказал: «По такой рекомендации не примут в Союз писателей. Вы давно настоящий поэт, а не начинающий, как тут представлено».

Сборники были готовы: «Твоё имя» – в мае, «Воскресение» – в августе 1995 года. Я позвонила в «Звёздный городок» моей подруге по Литинституту Татьяне Веселовой. Сказала, что издала два сборника стихов и попросила рекомендацию для вступления в Союз писателей. Она удивилась, что я до сих пор не в Союзе, написала с великим удовольствием. Татьяна училась в семинаре Николая Старшинова, дала его телефон, адрес. Старшинов знал меня: я выступала вместе с ним в Мытищах. Третий адрес: Рязань, Борису Шишаеву, с которым учились в одно время, изредка переписывались.

Вскоре пришли три прекрасных рекомендации.

Виктор Коротчаев нашёл, к чему придаться: «Почему нет печати писательской организации?»

Я тут же позвонила в Рязань, скоро пришла рекомендация с печатью. А когда позвонила Старшинову, тот возмутился: «Что он там выдумывает? В Союзе писателей мой почерк, мою подпись давно знают!»

Александр Цыганов сказал, что надо бы рекомендацию и кого-то из нашей организации. Я пошла к Александру Романову, он почитал всё, что у меня было, написал свою, тоже хорошую, рекомендацию.

В декабре 1995 года на общем собрании я была единогласно принята в Союз писателей России. Документы пошли на утверждение в Москву.

Решила написать письмо Виктору Фёдоровичу Бокову, сообщить: сбилось то, что давно должно было сбыться. Точного адреса не знала, написала: Москва, Переделкино, Городок писателей, Виктору Бокову. И письмо дошло до него, хотя адрес был совсем другой! Радостно было читать:

«Дорогая Нина Васильевна! Твой помятый, порванный по краям конверт-пакет пришёл. В нём две твои книги. Поздравляю тебя от души с выходом! Знаю, что тебе это стоило! Ты молодчина, что не сдалась мукам жизни и вышла в свет. Я сразу стал читать «Воскресенье». Прочёл до конца и хочу тебя поздравить с хорошей книгой!»

В конце он писал: «В отношении приёма тебя в члены СП я «за», позвоню в СП РСФСР, замолвлю словечко. Конечно, тебе надо скорее стать членом Союза писателей. Желаю тебе, Нина, здоровья, сил для дальнейшей работы и войны за место под солнцем!»

Поэт
Виктор
Фёдорович
Боков.

Обнимаю! Дай тебе Бог!
Виктор Боков.
19 апреля 1996 года.
Переделкино.

Поэт
Илья Львович
Сельвинский.

Поэт
Сергей Васильевич
Смирнов.

В 1996 году мне исполнилось 60 лет, я стала полноправным членом Союза писателей России...

Став членом Союза, получила право на дополнительную площадь для кабинета. Моя соседка, которой принадлежала вторая комната (жила у детей в городе Калязине), умерла, мне присоединили её комнату, я стала жить в отдельной собственной квартире.

Получила из типографии книгу «Воскресение», наперебой стали приглашать на выступления, газеты часто печатали стихи и статьи обо мне, пробудили интерес читателей. Книгу активно покупали, я быстро рассчиталась с типографией. Появились средства, чтобы догнать тираж книги «Твоё имя» до 500 экземпляров, которые были указаны. И эта книга тоже пользовалась спросом.

Признаюсь, я панически боялась аудитории, но пришлось преодолеть и это, старалась доводить до слушателей смысл каждого слова и чувствовала, что аудитория понимает и поддерживает...

В 1997 году в Центральном доме литераторов было намечено провести цикл вечеров поэзии «Вологодские встречи». Он открывался моим вечером 13 января – на старый Новый год. Я читала стихи, москвичи восторженно принимали их, много выступали, надарили подарков.

После окончания вечера мне подарили *адрес*, в котором многие слушатели оставили свои записи. Вот одна из них:

«Очень приятно провели вечер в стихах Нины Груздевой. Почаще бы такие встречи! Мы стали чище душой, светлее мыслями. Не было равнодушных в зале, и слышно было, как радостно звучало сердце поэта. Здоровья ей, радости, добра и стихов! Члены Российского дворянского собрания».

Последний вечер цикла решено было провести 28 ноября 1997 года. Вести его взялся Сергей Викулов, который приказал меня на вечер не брать. Однако Александр Цыганов сделал всё, чтобы я на этом вечере была представлена.

Когда приехали в ЦДЛ, меня радостно встретили те, которые были на вечере в январе. Художница Светлана Васильевна Кожуренкова, которая любовно оформила афишу моего вечера, подошла ко мне с подарком. В нём была красивая открытка:

«С праздником вологодских встреч! Нина Васильевна! Спасибо Вам от всей души за Вашу пронзительную лиричность, теплоту и вечность Ваших строк, за такт и скромность поступков. Ваша поэзия на уровне поэзии больших поэтов-лириков! Низкий поклон Вам! Вашей родной Вологодчине! Долгих лет жизни и творчества! С уважением к Вам, Светлана Васильевна Кожуренкова и мои родные – Валентина и Елена».

Меня окружили московские почитатели, которые были на январском вечере.

Зал был полон. Выступали наши поэты. Дошла очередь до меня, вышла, прочитала два стихотворения – Викулов выключил микрофон...

Когда я была внизу, мои книги покупали нарасхват, все спрашивали, почему так получилось? Я всех отсылала к Викулову. Просили автографы, но надо было ехать – нас ждала машина Владимира Громова.

Приехав на следующий день в Вологду, я решила поговорить с Борисом Чулковым. Он в то время иногда заходил ко мне. И вскоре он зашёл. Борис всегда был неразговорчив, чтобы его разговорить, я поставила на стол остаток водки, закуски, мало-помалу он разговорился. Я задала вопрос: «Боря, скажи, кому из писателей мы с Рубцовым были не нужны в Вологде?» Ответ меня ошаршил: «Вы были не нужны Викулову». «Причем тут Викулов? Он в Москве, а пригласило меня в Вологду Белов! Это Белов сказал: «Ты талантлива, зачем тебе Москва? Приезжай в Вологду. Мы тебя с жильём устроим, книжку издадим и в Союз писателей примем». А приехала в Вологду – все воды в рот набрали, до сих пор никто ничего не говорит! Чулков ответил: «Так ведь они все, в том числе и Белов, печатались почти только у Викулова. Как они могут против него пойти?» ...Убедительно! Решила поговорить с Иваном Полуяновым – ответил то же самое...

Поэт Борис Александрович Чулков.

...Впервые мы встретились с Викуловым в областной картинной галерее на литературном вечере. Я, студентка пединститута, поднималась по лестнице, увидела редактора нашей районной газеты Степана Михайловича Морозова. К тому времени Морозов издал две книжки прозы. Представляя меня Викулову, стоявшему рядом, Морозов сказал: «Она пойдёт твоим путём. Хорошие стихи пишет!» По окончании вечера принёс книжку Викулова с автографом, пригласил в ресторан «Север». Викулов в ресторане сказал, чтобы я принесла стихи в Союз писателей, а когда я на выходной день приехала домой, мама сказала, что у неё был Викулов и расспрашивал обо мне. Когда я пришла в Союз писателей, он предложил присутствовать на собраниях, на обсуждениях новых произведений, писать за небольшую оплату протоколы. Я согласилась, потому что стипендия была очень маленькой.

Мои стихи стали появляться в областных газетах. Когда поступила в Литературный институт, Викулов дал подборку моих стихов на целую страницу журнала «Север»; стихотворение «Глаза любимые» увидел московский композитор Александр Абрамов, написал песню; это была первая моя песня. Викулов включил меня в число участников зонального совещания писателей в Петрозаводске.

В это время в Северо-Западное книжное издательство была сдана моя первая книжка – «Тропинка», которая вышла позднее, в 1968 году. Вскоре Сергея Васильевича Викулова перевели в Москву, писателей Вологды возглавил Александр Александрович Романов.

Как-то я приехала в Москву к своим друзьям Сергею Чухину и Александру Петрову, которого очень любила. Они учились на очном отделении, жили вдвоем в комнате. Назавтра им нужно было сдавать зачет, они усердно готовились. Дали мне приглашение в Центральный Дом литераторов, где проходило расширенное правление Союза писателей СССР.

Когда я туда приехала, был перерыв. Поднимаясь по лестнице, увидела Сергея Сергеевича Орлова, он сидел на деревянном диване на площадке. Радостно поздоровались, поговорить не успели – подошел Кайсын Кулиев: «Сережа! Какая красивая девушка! Познакомь!» «Знакомься, девушка из Вологды. Хорошие стихи пишет!» Кулиев подписал, подарил свою книгу стихов, сказал: «Если в Вологде много таких красивых девушек, как вы, то это – благодатный край! Дай вам бог счастья!»

Закончился перерыв, я вошла в зал и села на свободное место. Меня тронули за плечо. Ирина Марченко – студентка-заочница с нашего курса работала в какой-то газете, получила задание написать отчёт о пленуме. «О тебе в первом отделении говорили». Я написала на бумажке: «А что говорили?» Она написала: «Феликс Кузнецов сказал, что у нас мало интересуются бытом молодых литераторов. Есть поэтесса Нина Груздева, она рассказывала, как она живёт, так в этих условиях не только писать, а жить невозможно! Она из глухой вологодской деревни, вся жизнь в бедности. Кто-то по своей инициативе (это был Илья Сельвинский) помог устроиться вдвоем в маленькой комнатухе партшколы. Но это один человек со своей инициативой, а ведь о тех, кто нуждается, должна думать вся писательская организация. Говорил, что ты очень талантлива, и тебе нужно помочь. Еще говорил о Рубцове и о Передерее, которые живут без прописки. И ещё: «Талант, как правило, беззащитен. Это не те люди, которые приходят в литературу делать деньги и всегда постоят за себя. Мы должны защитить наших молодых». Как я сохранила эту записку в моем сумбурном быте – ума не приложу!

Член-корреспондент РАН

Феликс Феодосьевич

Кузнецов.

*Поэт, главный редактор журнала
«Наш современник» (1968-1989 г.г.),
лауреат Государственной премии РСФСР (1974 г.)
Сергей Васильевич
Викүлов.*

Пленум закончился, ко мне подошел Викулов и предложил пойти к нему в гостиницу. «Надо поговорить», – сказал он. Ему квартиру в Москве пока не дали, а работал он в «Молодой гвардии». Пришли в номер, сели за стол. Я думала, как всегда, какое-то дельное предложение поступит, а Викулов вдруг: «Нина, я тебя давно люблю! Давай с тобой здесь, в Москве, встречаться...»

Я знала, что он был влюблён в меня, но ни одним словом он этого не выдал, и я привыкла относиться к нему как к примерному семьянину. Не скрою, я тоже была влюблена в него, но считала невозможным хоть как-то выдавать отношение к нему. Стихи о любви я писала и в деревне, где жила раньше, и в Вологде, никто не догадывался, кто герой моих стихотворений. Только однажды, в начале нашего знакомства, когда я начинала работать в газете, Викулов зашёл в комнату, где кроме меня жили трое: хозяйка, её сынишка и её старый отец. Меня не застал, передал хозяйке пакет: новогодняя открытка: «Благоухай нежнее роз весь Новый год! Твой Дед Мороз!» И простая металлическая брошь с новогодним орнаментом. Больше ни разу таких признаков внимания от Викулова не было. Тут на тебе – всё выпалил!

Я спросила: «А почему, Сергей Васильевич, вы в Вологде-то мне никогда ничего такого не говорили!» «В Вологде было нельзя – все сразу узнают. И обком рядом! А здесь никто ничего не узнает. Москва – город большой!»

А у меня давненько, не находя выхода, чувства к нему совершенно иссякли; я любила студента Литературного института Александра Петрова, друга Николая Рубцова и Сергея Чухина, – Саша был свободный человек, нам ничто не мешало.

И я ответила Викулову: «Сергей Васильевич, вы опоздали. Я очень люблю другого человека, поэтому встречаться с вами никак не могу». Оба замолчали. Он сказал: «Нина, пойдём, посидим в ресторане». Пошли, сели. Говорить было не о чем. И мы разъехались в разные стороны.

Ребятам я, конечно, ничего не сказала. Рассказала, о чем говорили на пленуме, и мы обмыли нашу встречу. На следующий день я уехала в Вологду.

В сентябре 1968 года я перешла на четвёртый курс дневного отделения Литинститута. Студентов приглашали на мероприятия в Центральном доме литераторов, я иногда видела там Викулова, но он никогда не подходил ко мне и делал вид, что меня не видит. Меня это ничуть не огорчало.

Друзей в институте было много. Мои стихи и переводы часто печатали, стихи и песни звучали по радио. Телевизора в общежитии не было. Мы жили своей шумной студенческой жизнью.

Однажды обедала в институтской столовой, подошёл Александр Москвитин, заведующий отделом поэзии журналов «Наш современник». Оказалось, его послал в институт Викулов – найти подборку талантливых женских стихов в мартовский номер журнала. Я сказала ему, что стихов с собой у меня нет и что я думаю: Викулов мои стихи не опубликует. Москвитин пришёл в общежитие и попросил показать стихи. Я дала ему подборку. Прочитал, сказал: «Отличные стихи! Не может быть, чтобы кому-то не понравились!» «А я уверена: Викулов не возьмёт», – повторила я. Москвитин отстаивал своё мнение и забрал стихи. Через несколько дней вернулся: «Вы были правы! Захожу в кабинет Викулова, радостно подаю со словами: «Многим надо поучиться так прекрасно писать!» «У кого?» – «У Нины Груздевой!» – «Ладно, оставь. Почитаю». «Назавтра вернул подборку с таким видом, будто я ничего в стихах не понимаю! Что такое с ним?» «Не знаю», – ответила я, – разные вкусы, наверное». Через какое-то время Москвитин опять пришёл: «Нина, давайте другую подборку, я хочу ещё попробовать!» – «Саша, вас унизили, зачем ещё унижаться?» – «Не беспокойтесь. Эти стихи не пропадут – обязательно появятся в других изданиях». Я ничего не отдала Москвитину. Больше я его не видела.

...В марте 2005 года получаю письмо из Москвы от моего друга Михаила Иванова; Михаил много, успешно работал над распространением моих стихов и книг, пересылал мне публикации моих стихов, статей обо мне в московских журналах и газетах.

Вот что он написал мне в этом письме:

«21 марта в ЦДЛ был вечер, посвящённый Александру Яшину. Выступал С. Викулов, говорил, в частности, о поэтах Вологды. Вас не назвал. Но его поправила Капитолина Кокшенёва, сказала, что есть в Вологде ещё Нина Груздева, известная поэтесса. Он занулся, потом сказал, что её (то есть Вас) мало кто знает. Но, судя по реакции зала, оказалось, что Вас очень многие знают.»

Я позвонила Капитолине Кокшенёвой, она подтвердила: «Да, я возмутилась и внесла справедливую поправку».

Итак, Борис Чулков и Иван Полуянов были совершенно правы. Причина моего длительного творческого заточения в Вологде была в Москве: этим жестоким, пошлым делом руководил Сергей Викулов, а верхушка вологодской писательской организации строго выполняла его волю, боясь ослушаться и быть выкинутым из числа постоянных авторов «Нашего современника».

Но ведь Василий Белов был величиной среди писателей СССР, любой другой журнал предоставил бы ему свои страницы! Что значил для него окрик Викулова: не пушать Груздеву в Союз писателей! При встрече Белов не раз говорил, что я талантлива, но – в ответ на просьбу написать

предисловие к сборнику «Воскресение» сказал: «Стихи у тебя добротные и говорят сами за себя. Зачем сборнику предисловие?»

Зачем, обещая в Москве всё: и книгу, и квартиру, и приём в Союз писателей, оставить человека на – двадцать семь лет – забыть?»

А ведь земляк, харовский. Земляки иногда и помогают друг другу!

В Москве, когда Белов звал меня в Вологду, с нами был Николай Кучмида из Череповца, на литературную судьбу которого тоже повлиял Василий Белов...

Кучмида был круглым сиротой. Отца он не знал, мать рано умерла. Его воспитывала тётя. В Литературном институте учился в семинаре Владимира Лидина. Творческий диплом защитил отлично. Печатался в журналах. Издал две книги в Москве, одну в Северо-Западном издательстве. Приехал после института в Череповец, с хорошими рекомендациями подал заявление в Союз писателей. Хотели принимать, на приёме Василий Белов вдруг заявил: «Нам таких не надо!» И отказали! Так прожил Николай всю жизнь, заболел, лишился обеих ног – стал инвалидом первой группы. И решил подать заявление в Союз писателей, представил написанные им новые произведения. Белов прочитал, сказал: «Надо принимать!» Приняли. Вскоре Кучмида умер. Правда, уже членом Союза писателей России.

...*К*ажбое новое стихотворение я всегда показывала или читала по телефону Александру Цыганову, так повелось после первой нашей встречи. Я всегда доверяла его вкусу. Вкус к поэзии у него изумительный: если чувствует, что это – поэзия, весь зажигается изнутри. Я не видала человека, который так искренне радовался успеху другого.

Не забыть, как я принесла ему только что написанное стихотворение «Звезда». Саша прочитал, озарился, передал Сергею Алексееву, а тот сказал: «Да, это – поэзия!» И я посвятила «Звезду» Алексееву.

Стихотворение стало названием моей следующей книги, которая вышла в 1998 году в серии «Вологда. XX век». Начал эту серию Цыганов, издав на спонсорские средства малым тиражом свою и мою книги. Его задумка понравилась начальнику департамента культуры Владимиру Кудрявцеву, который стал ежегодно выделять средства на несколько книг тиражом по 1000 экземпляров.

Помню отчетно-выборное собрание, на котором присутствовал председатель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев. Он сидел передо мной, держал мою книжку «Звезда». Оглянувшись, спросил: «Ваша книга?», я кивнула. «Очень хорошие стихи! Обязательно дам их в своём журнале!»

*Председатель правления Союза писателей России
Валерий Николаевич Г а н и ч е в.*

Вскоре в Вологде состоялся пленум правления Союза писателей России, на котором присутствовали ведущие литераторы. Итогом этого события было отдано много страниц журнала «Роман-газета. XXI век» (№ 3 за 2000 год, главный редактор В. Н. Ганичев). Мои стихи из книги «Звезда» заняли полторы страницы.

Участники пленума выступали во многих коллективах Вологды. Я с Валентином Распутиным – в «Тепличном». С этого времени у меня завязалась дружба с коллективом, с его директором Владимиром ром Леонидовичем Зининым. Они несколько раз пригласили меня почитать стихи.

Владимир
Леонидович
Зинин.

Приближалось моё 65-летие, решила сама издать новую книгу стихов: теперь у меня было много знакомых руководителей, среди которых можно было найти спонсоров. Первым откликнулся В. Л. Зинин, дал 7 тысяч рублей, директор «Вологдафарм» Любовь Ивановна Жданова – 5 тысяч, Борис Андреевич Краснов из «Медтехники» – 5 тысяч. Ещё пять спонсоров – по одной-две тысячи. Хватило рассчитаться с художником Эдуардом Фроловым за прекрасное оформление книги. Получалось спонсорских денег на 800 экземпляров, хотелось 1000. Позвонила начальнику департамента культуры Владимиру Валентиновичу Кудрявцеву. Он перечислил типографии деньги за 200 экземпляров. Книга «Часы песочные» вышла в 2001 году в срок – к 40-летию Вологодской писательской организации и к моему 65-летию.

У меня получилось всё, что было задумано! Но это стоило большого терпения, немалых усилий.

Я давно была нездорова – с 1995 года инвалид второй группы. Часто падала. Сказывался детский паралич рук и ног после дифтерии, лекарств тогда, кроме аспирина, не было. В конце 1998 года упала на льду так, что навсегда покачнулась земля под ногами, я не могла ходить без посторонней помощи. Вывихивалась правая рука, её сумели поставить правильно, вывихи мучать перестали. Начались варикозные язвы на ноге. В 1999 году мне дали первую группу инвалидности. Оказалась одна в четырёх стенах, без родственников, больная. Социальная работница два раза в неделю приносила продукты. Готовила еду сама. Написала стихотворение «Часы песочные», которое дало название книги. Закончила так:

*А жизнь моя уже кончается...
А сколько там песчинок в будущем?*

Первую строчку заменила в книге «Душа», изданной в 2011 году, к моему 75-летию. Она теперь звучит так:

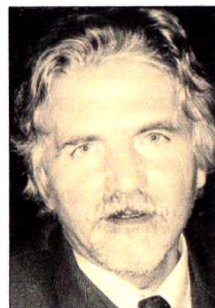
*Песчинки верхние кончаются...
А сколько там песчинок – в будущем?*

В таких условиях, с помощью телефона, готовилась к выходу книга «Часы песочные».

Александр Цыганов, который стал моим другом и помощником, сделал всё возможное, чтобы книга вышла раньше моего юбилея, и она успела к сентябрю, к 40-летию писательской организации.

Секретарь Союза
писателей России
Вадим Валерьевич
Деметьев.

Секретарь Союза
писателей России
Николай Иванович
Дорошенко.

Это событие отмечалось в областной филармонии, куда меня привезли на машине. Присутствовали: секретарь Союза писателей России Вадим Деметьев, главный редактор газеты «Российский писатель» Николай Дорошенко, главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев. И Сергей Васильевич Викулов.

Первый заместитель губернатора И. А. Поздняков вручил Василию Мишеневу и мне «Благодарственное письмо губернатора Вологодской области».

Слушали доклад председателя нашей писательской организации Роберта Балакшина, слушали выступления москвичей, наших поэтов и прозаиков, а я не могла подняться на сцену.

После поехали в гостиницу «Вологда». В банкетном зале долго и нужно говорил Викулов. Курильщики захотели прибегнуть к своему развлечению и вышли. Остался Сергей Алексеев. Я подошла к нему, поговорила, он попросил почитать новые стихи. Когда послушал «Часы песочные» и «Прошедшее», сказал: «Это нужно прочитать сейчас, здесь!» Побежал к Роберту Балакшину: «Дайте выступить Нине Груздевой! Она сейчас прочитала мне великолепные стихи!»

Сели за столы, Балакшин объявил: «Сегодня Нине Груздевой вручено Благодарственное письмо губернатора. Предоставляю ей слово». Встала, прочитала: «Часы песочные», «Прошедшее», «Как лист сорвётся...», «У памятника Рубцову». Стояла тишина. Потом – взрыв аплодисментов.

«Здорово! – сказал Станислав Куняев. – Обязательно опубликую в моём журнале!»

Подошёл Николай Дорошенко: «Ваши стихи – классика! Подготовьте большую подборку стихов, на целую страницу в нашей газете. Так мы даём только самых известных авторов! И обязательно – фотографию».

На следующий день писатели поехали по районам области. Александр Цыганов привёз из типографии мои «Часы песочные». Назавтра была встреча в областной библиотеке. Я приехала с моими книгами. Роберт Балахшин показал залу мой сборник.

Подарила книги Куняеву и Дорошенко. «Поздравляю! – сказал Николай Иванович. – Тут и стихи, и фотография – хорошие!» В скором времени целая страница прекрасных стихов появится в газете «Российский писатель»!»

И вскоре эта страница вышла на суд российского читателя.

Затем газета опубликовала статью критика Олега Дороганя «Не погуби мелодию в душе» – о книге «Часы песочные», статью известного поэта и прозаика Бориса Шишаева «Разумение сердцем» – серьёзный разговор о моём творчестве; позднее эта статья появилась в журнале «Наш современник» (№ 3 за 2006 год). Появлялись в газете «Российский писатель» и другие подборки моих стихов.

В 2004 году за книгу «Часы песочные» я была удостоена звания лауреата Всероссийской литературной премии «Звезда полей» имени Николая Рубцова.

В июле 2004 года журнал «Москва» открылся подборкой моих стихов.

В этом же году я стала дипломантом I Международного конкурса поэзии «Золотое перо», проводимого Комитетом по культуре правительства Москвы и посвящённого Дням славянской письменности и культуры. Среди победителей конкурса были поэты из США, Болгарии, Сербии, Украины, Белоруссии, Казахстана. Из Вологды была представлена только я. Получила диплом в номинации «Лучшее лирическое стихотворение».

В 2005 году в Таллине издана антология «Русская поэзия XX века», куда вошли мои стихи. В конце 2005 года международный журнал «Балтика» опубликовал мои стихи в разделе «Поэты России – начало XXI века». Были публикации моих стихов в газетах «Литературная Россия», «Российский писатель», «День литературы».

В 2005 году неожиданно для меня я была внесена в прекрасно изданный трёхтомный биобиблиографический словарь «Русская литература XX века». Издатели: Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Каждому автору посвящена статья с фотографией.

В один из прекрасных дней 2005 года позвонил генеральный директор «Тепличного» Владимир Леонидович Зинин: «Нина Васильевна! У меня предложение: издать вашу книжку подарочного типа – мини-книжку. У нас в охране работает настоящий мастер по их изготовлению – Владимир Богачёв». – «Знаю его. Мне тоже предлагал, но у меня нет денег!» – «Я оплачу всё издание. Он шивает вручную, очень тонко делает, может изгото-

товить 300 экземпляров. Согласны?..»

Мы с Александром Цыгановым придумали обложку, суперобложку, подготовили тексты, сдали Владимиру Богачёву. Книжка – 183 страницы, всем понравилась. О ней узнали в московском музее экслибриса и миниатюрной книги, послали гонца к Зинину с просьбой подарить книгу музею. Вскоре Зинин получил благодарственное письмо.

«Уважаемый Владимир Леонидович!

Нашим музеем экслибриса и миниатюрной книги на днях было приобретено миниатюрное издание «Стихотворения» Нины Груздевой, выпущенное издательством «Палисад» (г. Вологда 2005 г.) с Вашей спонсорской поддержкой. Выражаем сердечную благодарность за участие в этом издании и надеемся, что подобные миниатюрные книги с Вашей помощью ещё не раз будут радовать всех любителей поэзии, изящной словесности и почитателей миниатюрных изданий.

Директор музея экслибриса В. Лобурев. 10.01.07 г.»

15 ноября 2006 года мне исполнилось 70 лет.

Начался год с приятного известия: в январском номере журнала «Москва» – подборка моих стихов на четыре страницы!

В журнале «Наш современник», № 3 – статья Бориса Шишаева «Разумение сердцем. Поэзия Нины Груздевой. Воспоминания и размышления».

«Роман-журнал. XXI век», № 9 – статья Вадима Дементьева «Летающая». Автор цитирует последние строфы стихотворения «Прошедшее»:

...Я так своё прошедшее люблю!

И знаю всё: кто друг, а кто предатель,

Я отблески мгновений в нём ловлю

Почти как посторонний наблюдатель.

Ты моего прошедшего не тронь.

Не смей входить в него, не зная страха!

В нём есть всегда величественный трон,

И слава, и забвение, и плаха.

Вадим Дементьев написал:

«Настоящие классические стихи!.. В них произошло чудесное соединение голосов, талантов и судеб вологодских поэтов: от Константина Батюшкова до Николая Рубцова. Нина Груздева стала матерью-берегиней северной поэзии. Читателям, воспитанным на традиции, захотелось услышать чистое, без примеси грязи, литературное слово. Они соскучились по сильным характерам, высоким чувствам, выношенным мыслям. В этом ожидании – причина успеха Нины Груздевой, ставшей любимицей вологжан. А Нина Васильевна ждала этого читателя 27 лет!»

Вторая страница под рубрикой «Любимые стихи» отдана целиком моей поэзии.

Газета «Российский писатель» (октябрь 2006) опубликовала статью Вадима Дементьева «Любовь воскресшая (к юбилею Нины Груздевой)»,

заканчивается которая так: «...их имена – Рубцова и Груздевой – сегодня в русской поэзии стоят рядом, на расстоянии близкого теплого дыхания».

В 2006 году я стала победительницей III Московского международного конкурса «Золотое перо».

Журнал «Лад вологодский» моё 70-летие отметил большой подборкой стихов с фотографиями.

Творческий вечер надо было провести достойно, для этого – немало потрудиться. Я пригласила композиторов Надежду Берестову, Ольгу Малышеву, почтала им стихи, подарила книги, у них появилось вдохновение, стали рождаться песни, романсы. У Константина Линка были готовы песня и романс в исполнении Елены Никитиной. У трио «Доверие» (г. Сокол) были две хорошие песни. Композитор и певица Нина Осолихина пришла, исполнила мне две песни.

Композитор Надежда Михайловна Берестова.

С изданием книги пришлось поволноваться. Председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев обращался к губернатору В. Е. Позгалеву с просьбой издать книгу ещё к моему 70-летию, получил отказ: нет в бюджете средств; секретарь Союза писателей России В. В. Дементьев обращался к руководителю правительства области Н. В. Костыгову – отказ.

По телевидению я услышала послание Президента В. В. Путина: «А теперь о главном. Что у нас сегодня главное? Правильно, любовь!»

Решила срочно написать письмо начальнику департамента культуры области В. В. Рацко:

«Уважаемая Валентина Васильевна! Вчера по телевидению я слушала послание президента В. В. Путина и в нем такие слова: «А теперь о главном. Что у нас сегодня главное? Правильно, любовь!»

А я всю жизнь пишу только о главном, непреходящем. Значит, моя тема всегда современна и в любые времена найдёт себе благодарного читателя. Но у меня есть стихи и на другие темы и все они – о жизни человеческой души, следовательно, они тоже всегда современны. Это будет мой первый и, может быть, последний вечер, поэтому очень прошу изыскать средства и издать мою книгу к такому значимому для меня событию. С просьбой к Вам Нина Груздева.

Р. S. Посылаю Вам подарок – сувенирную миниатюрную книгу «Стихотворения», изданную недавно небольшим тиражом. Она именная. В конце книги найдёте в красивой типографской рамке Ваши фамилию, имя и отчество. Н. Г.»

Вскоре получила ответ:

«Уважаемая Нина Васильевна! Прочла Ваше письмо с благодарностью за Ваш энтузиазм и активную жизненную позицию. Примите искренние поздравления с выходом замечательной сувенирной книги. Очень тронута столь ценным подарком!»

Рассмотрев Ваше обращение, специалисты приняли решение о включении сборника стихов в план издательской деятельности департамента. Мы приложим все усилия для подготовки сборника в Ваш юбилейный год.

*С уважением, обнимаю!
Начальник департамента В. В. Рацко».*

Через несколько дней я обратилась в издательство областной библиотеки, Сергей Тихомиров ответил: извещён о моей книге, издать её можно только в будущем году, 500 экземпляров.

Мы поговорили с Александром Цыгановым. Он узнал, сколько выделено средств на издание книги, сходил в ПФ «Полиграфист», там сделали калькуляцию: на средства департамента культуры можно издать книгу в обложке с золотым тиснением! 1000 экземпляров! Я написала начальнику департамента культуры – попросила перевести издание в «Полиграфист».

Книга «Краешек зари» успела к моему торжеству! Кланяюсь редактору и другу Александру Цыганову, художнику Эдуарду Фролову.

Книгу «Краешек зари» наша организация представила на Всероссийскую литературную премию имени Афанасия Фета.

Я заказала 500 экземпляров книги на свои средства, общий тираж вышел –1500 экземпляров.

Очень активно работали композиторы. Дважды приглашала их в писательскую организацию за праздничный стол, пели песни и романсы.

Попросила давних друзей Александра и Татьяну Волоотовских отобрать песни и романсы для вечера, составить его программу. Они всё сделали на профессиональном уровне.

Татьяна
Николаевна.
Александр
Вадимович
Волоотовские.

Ведущим вечера согласился быть секретарь Союза писателей России Вадим Дементьев, читать стихи – артисты областного театра Вера Таюшева и Оксана Киселёва.

Я волновалась, как же сама всё это переживу?

Давняя знакомая (она руководила медициной на фирме «Прогресс»), заведующая Первой поликлиникой Ирина Викторовна Гуляева сказала: «Не беспокойтесь, я pošлю медсестру, сделает укол, совершенно не будете волноваться».

...И вот наступил торжественный день.

Пришла Татьяна Волоотовская. Медсестра ввела назначенную инъекцию.

Подъезжая к библиотеке, увидели пространство, запруженное народом. Выходила из машины, первым подал руку постоянный, верный друг Виктор Плотников. Лестница и фойе были заполнены людьми.

Зал аплодировал стоя!

Меня вела под руку Волотовская, сопровождал Цыганов.

Звучали голоса певиц Ирины Бржевской, Гелены Великановой – песни композитора Азона Фаттаха.

Я всё воспринимала спокойно – благодарила Ирину Викторовну.

Зал был полон. Дополнительные ряды доходили почти до микрофона. Сидели на подоконниках, стояли в проходах, в фойе.

Концертный зал Вологодской областной филармонии.

Первый секретарь Союза писателей России Геннадий Иванов вручил мне Почетную грамоту правления «...за многолетнюю плодотворную творческую работу в русской литературе».

Выступали: заведующая отделом журнала «Москва» Капитолина Кошкенева, заведующий отделом журнала «Наш современник» Андрей Воронцов, прозаик Владимир Личутин.

Заместитель губернатора области В. В. Касьянов начал выступление словами: «Глубокие реки текут тихо»...

Спасибо!..

Я пишу по вдохновению. Но 27 лет не издавали книг, а это были лучшие творческие годы. Должна была зарабатывать хлеб ежедневным трудом...

Члены Союза писателей занимались творчеством, издавали книги, получали гонорары, у них был фонд помощи, санатории, Дома творчества, которые обеспечивали и стол и дом, для них была открыта обкомовская больница с поликлиникой и обкомовская столовая...

От городской Думы выступил депутат, мой спонсор, Владимир Леонидович Зинин, подарил целую упаковку моих мини-книжек в бархатном переплёте разных цветов.

Каждый блок программы открывал Вадим Дементьев: рассказывал мою биографию, читал поздравления, предоставлял слово московским писателям.

Артисты читали стихи. Исполнителей песен и романсов объявляла Татьяна Кербут.

Все участники вечера восторженно принимались залом, награждались цветами и бурными аплодисментами. Выступлений было так много, что вечер продолжался 2 часа 20 минут – на час дольше, чем в программе.

Вечер закончился, ко мне подходили с цветами, с подарками. Я была окружена фотоаппаратами – всем хотелось сфотографироваться на память.

Домой я приехала вся в цветах и подарках. Цветы были в вазах, в банках, в вёдрах, в тазах. Не умолкал телефон.

«Столько народа на вечер поэзии невозможно в наше время собрать ни в Москве, нигде в России!» – сказал первый секретарь Союза писателей России Геннадий Иванов.

«Ой, Нина, как тебя любят!» – удивлённо воскликнула Капитолина Кокшенёва.

«Если бы всем, кто записался на выступления, дать слово, пришлось бы сидеть до утра!» – сказал ведущий вечера Вадим Дементьев.

Материалы о вечере были опубликованы в «Литературной газете», «Литературной России», «Российском писателе», в журнале «Лад», в вологодских газетах, на областном радио.

Через некоторое время я пригласила композиторов, певцов в писательскую организацию – от всей души поблагодарить, послушать песни, задушевно поговорить. Владимир Кудрявцев наши посиделки снял на *цифру*: там поёт свою песню Саша Грязев...

...Вспоминаю, как Викулов летом 1997 года приехал в Вологду – с размахом отметить 75-летие. Попросил зал Русского Дома.

В нашей организации его предупреждали: такого большого зала теперь не заполнить. Викулов не поверил. Реклама: афиши, газеты, радио и телевидение работали в полную силу...

Я пришла в писательскую организацию – позвонить по телефону, договориться об очередном выступлении. Меня приглашали, бывало, полу-

чала по 2-3 приглашения в день. Бросали в почтовый ящик. Дверь в подъезде не запиралась. Телефона не было, приходилось ехать на улицу Ленина, 2. Встретила там Сергея Васильевича Викулова. была полноправным членом Союза писателей России. Он пригласил на свой вечер.

Пришла в Русский Дом – зал почти пуст: меньше десятка вологодских писателей, корреспонденты газет «Красный Север», «Русский Север» и двое знакомых Викулова...

Собрали всех в один уголок, сфотографировали для газет...

Викулов сразу пригласил в зал, где были расставлены столы с угощениями. Был подавлен. Понял: поэта Викулова вологжане забыли, его 75-летие в Вологде похоже ...на поминки. Юбиляр уехал в Белозерск...

После этого несостоявшегося викуловского праздника я вспомнила Валерия Васильевича Дементьева. В небольшой компании, которой он, видимо, доверял, зашёл разговор о Викулове. «Ты, Нина, знаешь, как пишет стихи Викулов?» – спросил Дементьев. – А очень просто... Каждый вечер садится за стол, берёт бумагу, ручку, даёт себе задание – написать сегодня столько-то строк... Пока не напишет – не ляжет спать... Ты так пишешь?..» – спросил Дементьев меня...

«Во-первых, – ответила я, – живу в деревянном доме, каждая семья ютится в одной комнате, нет воды, отопление – дрова, еду готовят на керосинке, одно удобство – электрическая лампа. В той же комнате, в которой я живу, мать с взрослой дочерью. Сплю на раскладушке, она помещается, если сдвинуть стол к комоду. Кто мне разрешит включить свет, если люди легли спать?..

Питаюсь в столовых, бельё сдаю в прачечную. Готовлюсь к экзаменам, читаю книги по программе и пишу контрольные работы – в библиотеке.

Живя в таких условиях, работаю корреспондентом газеты для заключённых, езжу в командировки... Всё-таки пишу стихи, прошла творческий конкурс в два тура, учусь заочно в Литературном институте.

Стихи пишу урывками, по вдохновению, никогда ничего не выдумываю».

...Так я сказала всем, кто был тогда за столом.

Никогда не заучиваю чужих стихов, запоминаются сами. Память хранит огромное их количество. Знаю много стихов Сергея Сергеевича Орлова, который родом тоже из Белозерского района, но не помню ни одной строчки белозёра Сергея Васильевича Викулова...

Задолго до моего вечера композитора Н. М. Берестова накопила столько песен и романсов на мои стихи, что решила издать диск; найти спонсоров попросила председателя городской Думы А. Н. Лукичева, который предложил написать заявление, и показывая эту бумагу, вскоре нашёл помощи в моём Харовском районе; на эти деньги Берестова записала три песни. Лукичев ушёл из Думы, дальнейшей помощи пришлось ждать долго.

Я опрометчиво обещала композиторам издать общий диск, написала письмо В. В. Рацко, но вскоре начальником департамента стала Л. И. Кашина, которая ответила: на диск деньги выделят, он будет издан к юбилею областной библиотеки. Увы, ничего этого не было сделано...

В конце февраля 2007 года пришла беда, вырвала меня из жизни на целых два года.

Подвёл жёлчный пузырь. Если бы не позвонила вечером (доктору медицинских наук заместителю главного врача Ярославской областной больницы) хирургу Геннадию Макаровичу Коротаеву, не рассказала, что со мной, как себя чувствую, жизнь висела бы на волоске...

Он крикнул: «Срочно на хирургию! Звоню Павлу Евгеньевичу Шепринскому, тебя срочно увезут. Одевайся!..» Знал: я одна, помочь некому.

Подъехала машина вологодской городской больницы (Шепринский – главврач), меня увезли. Попробовали лечить внутривенно, поняли: нужна операция...

Когда меня привезли домой, потребовался уход. По очереди ухаживали подруги, Александр Цыганов привёл Любовь Кострову, с которой долгие годы работал.

Мне повезло: столько добрых друзей! Кого-то уже нет в живых, кого-то увезли к себе родные, кто-то сильно болен, – такой уж у нас возраст...

Операционное отверстие не закрылось, Любе пришлось делать перевязки. Открылись трофические язвы на ноге, ужасно болезненные, Люба и там перевязывала. Вся эта канитель длилась до операции по удалению жёлчного пузыря.

Июнь 2008 года. Никогда не волновалась, на операции соглашалась спокойно.

Владимир Николаевич Бунтов, заведующий хирургическим отделением, сказал: «Операцию буду делать я. Разрез сделаю изящный. Всё будет хорошо!»

Да, разрез действительно небольшой, но желудок не принимал ни питья, ни еды. Кормили и поили через вены. Через рот выходила чёрная горькая жидкость. В последний раз не нашли вену, куда можно было бы влить лекарство и питье, – вены были исколоты. Ушли. Поняла: все!..

Но – чудо: через рот вышла не жидкость, а тёмные кристаллы, захотела пить – желудок принял воду. И стал принимать воду, потом и жидкую еду.

В который я возрождалась, как Феникс из пепла!..

Но снова беда: простудилась, начался бронхит...

Тут на помощь пришли друзья. Заместитель председателя писательской организации Виктор Плотников покупал лекарства, делал отвар, поил, чтобы не пролить лекарство, предварительно разогрев его, покупал бельё и делал всё, что нужно тяжело больному.

Секретарь
Союза писателей РФ,
Председатель
Вологодского
регионального
отделения
Союза писателей
России
Михаил
Иванович
Карачев.

Заместитель
председателя
Вологодской
писательской
организации
Виктор
Александрович
Плотников.

А вечером приходила Екатерина Филипповна Климушина, которая издала авансом книгу «Воскресение», ухаживала как за родным человеком: растирания, массажи. Внизу её всегда ожидал муж – Владимир Николаевич.

Пришёл день выписки.

Виктор Плотников привез меня домой. Встречала Люба Кострова.

Плотников выписал и получил всё, что нужно неходячему инвалиду. Через некоторое время я стала передвигаться с помощью ходунков, и до сих пор они верно служат мне...

Осенью 2008 года позвонил редактор журнала «Лад» Андрей Сальников: «Нина, ты – лауреат *Большой литературной премии России!* Звонил Вадим Дементьев, он – член жюри, и просил поздравить тебя с самой престижной премией Союза писателей России. Твоя книга «Краешек зари» признана лучшим произведением 2007 года!»

Я с трудом дожидая до вечера, позвонила Дементьеву. Всё подтвердил, дал телефон члена жюри Марьяны Васильевны Зубавиной, с которой я не была знакома. «Она так убедительно отстаивала твою кандидатуру, так хорошо знает и любит твою поэзию! Тебе надо обязательно поблагодарить её. Я за тебя не голосовал... У меня была другая кандидатура – моя жена Капитолина Кокшенёва, она, к сожалению, не прошла», – сказал Вадим Валерьевич Дементьев.

Кокшенёва – один из самых известных и авторитетных критиков. Значит, борьба была жёсткой!

Когда я позвонила Зубавиной, от всей души поблагодарила ее, она ответила: «Не волнуйтесь! Вы заняли свое место по праву. Вы – настоящий большой поэт-лирик!»

Диплом «Большой литературной премии России» вручали в Москве в храме Христа Спасителя 4 декабря 2008 года.

В этот день происходили два события особой важности: заседание Всемирного Русского Народного Собора и 50-летие Союза писателей России, на котором присутствовали все известные современные писатели, руководители региональных писательских организаций.

Мой Диплом получал за меня председатель нашей писательской организации Михаил Иванович Карачёв.

Через несколько дней Карачёв принёс мне этот красивый диплом с портретом Пушкина.

В январе 2009 года деньги за премию поступили на мою сберегательную книжку, эти средства позволили Н. М. Берестовой и мне издать по 100 экземпляров диска.

«Здравствуйте, клёны!» – так мы назвали диск. Презентация состоялась на вечере Берестовой во Дворце творчества детей и молодежи 4 марта 2009 года, имела успех.

С успехом прошли представления диска в областной библиотеке, в Институте бизнеса.

Наш диск и мою книгу «Краешек зари» мы с Берестовой подарили художественному руководителю филармонии Геннадию Ивановичу Соболеву. Через некоторое время он позвонил мне. Книга и диск очень понравились, он хотел бы отметить мой 73-й день рождения презентацией диска в филармонии.

Концерт прошёл с большим успехом: за несколько дней до начала билеты были проданы.

74-летие отмечали на моей родине, в Харовском районном Доме культуры. Снова Н. М. Берестова и певцы, которых я очень люблю, постарались на славу.

На высоком уровне прозвучали наши песни и романсы на музыкально-педагогическом факультете университета, в Усть-Кубенском районном Доме культуры, в деревне Тимонихе, на родине В. И. Белова.

Нрближалось моё 75-летие. К этому событию Н. М. Берестова подготовила хороший подарок – издала книгу, нотированный сборник «Здравствуйте, клёны! Песни, романсы на стихи Нины Груздевой». Председатель Вологодского отделения Союза композиторов России Михаил Гоголин в предисловии написал, что наше сотрудничество стало фактом общественного признания:

«Сборник, который Вы держите в руках, представляет нотное издание песен, вошедших на аудиодиск «Здравствуйте, клёны!»

Безусловно, этот песенный цикл должен стать достоянием многих. Песни должны исполняться, они заслуживают внимания и широкого признания».

В предисловии есть и мои слова из обращения к Н. М. Берестовой в день её юбилея:

«Держу в руках долгожданный диск, и радость переполняет мою душу! Вы нашли правильные музыкальные ключи к моим стихам и создали прекрасные мелодии в лучших традициях русской песенной классики!»

Работа над диском задержалась из-за моей тяжёлой болезни. В департамент культуры возвратилась В. В. Рацко, я напомнила ей о диске, и стали понемногу давать денег. Работу с композиторами, певцами и аранжировщиком Антоном Чекавинским я взяла на себя. Установились деловые и дружеские отношения. Все мои замечания быстро принимались. Я спросила С. А. Смирнову, которая была связной между мной и В. В. Рацко: «Когда будут деньги на диск?» «Пока денег нет...» – был ответ.

«Светлана Александровна, – сказала я, – тогда я на свои деньги буду доделывать диск. С Антоном Чекавинским уже договорилась». И началась трудная работа по завершению диска. Результат был отличным! Выверенный первый диск я послала в департамент культуры. Очень понравилось, хотели издавать в Москве, но времени оставалось мало. Я издала свой вариант диска и отдала его Г. И. Соболеву для подготовки концерта. Департамент культуры вернул мне деньги, затраченные мною.

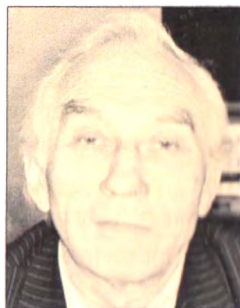
Прослушав диск, Вера Юрьевна Митрошкина, которая много лет работает на Вологодском радио, сказала: «Очень выгодно отличается от всех дисков, изданных за последние годы в Вологде»; используя эти записи, она с Ириной Альбертовной Цветковой сделала на радио несколько больших передач с моими стихами, песнями и романсами.

На диске представлено двадцать одно произведение семи композиторов. Песни Азона Фаттаха «А всё ж пойду» и «Мой лесник» написаны в 1973 году: стихи были опубликованы в журнале «Огонёк» (№ 10), тираж журнала – 2 миллиона 100 тысяч. Исполняли песни Гелена Великанова, Ирина Бржевская.

Другие шесть композиторов – вологодские музыканты: Надежда Берестова, Ольга Малышева, Юрий Беляев, Константин Линк, Александр Хазов, Лариса Ковалёва. Исполнители: Елена Никитина, Анна Малиновская, Александра Колотий, Сергей Дёмин, Наталия Лисовая, трио «Доверие», трио «Откровение».

Мой творческий вечер готовил Заслуженный артист России, обладатель красивого баритона, многие десятилетия – художественный руководитель Вологодской областной филармонии Геннадий Иванович Соболев. Отметил 13 февраля 2013 года своё 75-летие, до сих пор трудится на творческом посту!

*Заслуженный
артист РСФСР (1978 г.),
художественный руководитель –
заместитель генерального директора
Вологодской
областной филармонии
Геннадий Иванович
Соболев.*

Большую помощь в подготовке моего вечера оказала композитор Надежда Михайловна Берестова. Стихи проникновенно читала актриса Вологодского драмтеатра Наталья Ситникова. Это была презентация диска песен и романсов «Твоё имя».

Я не смогла присутствовать на вечере. Но моё присутствие, говорят, ощущалось: в обращении ко мне Геннадия Ивановича Соболева, когда он рассказывал факты из моей творческой биографии, когда читал поздравление Союза писателей России, в видеоряде фотографий, в прекрасном выступлении Владимира Кудрявцева.

Видеоряд сопровождался стихотворением «Душа», обращённым к залу:

*Везде душа моя витает:
Что ждёт, что любит, чем горит...
Она и в сумерках не тает,
И днями с вами говорит.
Она повсюду с вами будет:
В любви, на отдыхе, в трудах...
И вы ее найдёте, люди,
В моих стихах...*

Новая книга – «Душа», выпущенная департаментом культуры, тоже была издана к моему вечеру.

Зал был, как всегда, полон, каждому присутствующему были от моего имени подарены диски «Твоё имя».

Киностудия «Вологдафильм» издала музыкальный фильм с записями вечера, который вместе с моей книгой «Душа» и аудиодиском «Твоё имя» были подарены всем, кто готовил вечер и принимал в нём участие.

*Певица
Ирина
Аверичева*

Отдельно поблагодарить хочу прекрасную певицу Ирину Аверичеву, которая очень достойно заменила Елену Никитину, исполнив главные песни диска: «Прошедшее», «Часы песочные», «Твоё имя».

Когда закончился вечер, зрители долго аплодировали, долго звонили мне домой, поздравляя с юбилеем, одна зрительница сказала мне слова, которые забыть невозможно:

«Нина Васильевна! Спасибо Вам за необыкновенный, прекрасный вечер! Сегодня побывала на небесах! Спасибо, что Вы есть!»

Правление Союза писателей России наградило меня Почётной грамотой «...за большой вклад в современную русскую поэзию».

В 2012 году ожидало ещё одно замечательное событие.

В один из летних дней позвонил глава родного Харовского района Александр Николаевич Мазуев. Договорились встретиться. Я никогда не теряла связи со своей родиной: с Пундужской школой, с Харовской районной библиотекой, с районным отделом культуры. Когда приехал А. Н. Мазуев, я показала ему всё, чего достигла в литературе с 1996 года, когда стала членом Союза писателей России.

По решению муниципального собрания района мне присвоили очень дорогое звание – *Почётный гражданин Харовского района*. Огласил это А. Н. Мазуев на Дне города Харовска, на главной площади, при большом стечении народа. А через несколько дней приехал ко мне на квартиру, вручил удостоверение об этом, повязал через плечо красивую ленту почётного гражданина. Диплом я повесила на самое видное место.

А. Н. Мазуев очень обрадовал – привез с собой двух женщин-пундужанок. Татьяна Евстафьевна Максимова создала в Пундужской средней школе музей моего имени, показала мне огромный альбом с моими фотографиями. Я держу с музеем постоянную связь.

Моё 76-летие было отмечено презентацией нового диска песен и романсов – «Так любовь мне сказала», он издан к этому событию любимой вологжанами певицей Анной Малиновской.

Концерт проходил в городском Дворце культуры. Зал, как всегда, был полон. Анна Малиновская сопровождала песни рассказом обо мне. Выступала Надежда Берестова. Кроме неё, на диске произведения четырёх композиторов: Ольги Малышевой, Юрия Беляева, Константина Линка и Марины Кулаковой. Киностудия «Вологдафильм» сделала видеофильм об этой презентации.

После окончания вечера Анна Малиновская привезла мне несколько красивых букетов и тетрадь с отзывами зрителей. Вот один из них:

«Дорогая Нина Васильевна!

Просто сказать спасибо за Ваши стихи – это не сказать о главном. Главное – в том, что Вы умеете доставать с самого доньшка Вашей души изумительные сокровища, давать им огранку замечательным слогом поэта – вот в этом самая сокровенная суть вашей поэзии».

*Певица
Анна
Малиновская.*

В 1995 году я увидела большую антологию «Русская поэзия XX века», только что изданную. Подумала: кому-то из вологодских поэтов посчастливилось попасть в такое шикарное издание? Откликнулась на это событие четырьмя строками:

*Моя поэзия распята
И с пошлым веком не в ладу.
Я не попала в век двадцатый,
Но в двадцать первый попаду!*

Но не могла подумать, что через десять лет, в 2005 году, выйдет трёхтомный биобиблиографический словарь «Русская литература XX века» (прозаики, поэты, драматурги), изданный Российской академией наук, Институтом русской литературы (Пушкинский Дом). Каждому, удостоенному попасть в престижное издание, отведена статья (биография, анализ творчества), здесь и о Нине Груздевой есть статья, написанная Вадимом Дементьевым.

При встрече спросила: «Кто заказал статью обо мне: Союз писателей России или его председатель – Ганичев?» «Нет, – ответил Дементьев, – заказ на статью о тебе поступил от издателей «Словаря» из Пушкинского Дома».

...И я вспомнила, как однажды зашёл ко мне композитор из Санкт-Петербурга Александр Гусев и спел три песни на мои стихи.

Я подарила ему книгу «Часы песочные», изданную в 2001 году. А второй экземпляр книги попросила Гусева отвезти в Пушкинский Дом, передать лично директору Скатову. Гусев обещал выполнить мою просьбу сразу. Вскоре позвонил: ездил в Пушкинский Дом, передал книгу Скатову. «Словарь» издан под редакцией члена-корреспондента РАН Н. Н. Скатова. Могла ли я подумать, что моя книга, изданная в 2001 году, приведёт меня в самое престижное издание? Здесь вся история литературы XX века!

Со дня начала деятельности писательской организации в Вологодской области внесены в Словарь её руководители: С. Викулов, А. Романов, А. Грязев, Р. Балакшин; прозаики: В. Белов, С. Алексеев; поэты: Н. Рубцов, Н. Груздева, О. Фокина, А. Шадрин.

Каждая статья Словаря сопровождается фотографией писателя. Фото к статье обо мне – из книги «Часы песочные».

В 2005 году мои стихи были опубликованы в антологии «Русская поэзия XX века», изданной в Таллине. В конце 2005 года журнал «Балтика» (Таллин) опубликовал мои стихи в разделе «Поэты России – начало XXI века. Современная русская поэзия», где представлены: Владимир Костров, Глеб Горбовский, Юрий Кузнецов, Виктор Смирнов, Игорь Ляпин, Геннадий Иванов и другие.

...Что век грядущий мне готовит?

Книги Н. В. Груздевой:

- 1968 – «Тропинка»
- 1995 – «Твоё имя»
- 1995 – «Воскресение»
- 1999 – «Звезда»
- 2001 – «Часы песочные»
- 2005 – «Стихотворения» (сувенирная книжка)
- 2006 – «Краешек зари»
- 2011 – «Душа»

Аудиодиски
песен и романсов
на стихи Н. В. Груздевой:

- «Здравствуйте, клёны!» – 17 произведений, 2009 год.
- «Твоё имя» – 21 произведение, 2011 год.
- «Так любовь мне сказала» – 14 произведений, 2012 год.

Музыкальные видеофильмы:

- «Не погуби мелодию в душе» (к 70-летию Н. В. Груздевой)
Областная библиотека, 2006 г.
- «Здравствуйте, клёны!» Презентация диска Н. М. Берестовой
во Дворце творчества детей и молодёжи, 2009 г.
- «Здравствуйте, клёны!» Концерт в филармонии
им. В. А. Гаврилина, 2009 г.
- «К юбилею поэта Нины Груздевой» (к 75-летию), 2011 г.
Анна Малиновская. «Песни и романсы
на стихи Нины Груздевой». ГДК Вологды, 2012 г.

http://gruzdewa.blogspot.ru/p/blog-page_1.html
Нина Груздева. «Через тернии – к победе!» 2013 г. В сокращении.

Нина Васильевна
Груздева
15.11.1936 – 27.06.2016

*Мы не всё
друг другу рассказали*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Избранные стихотворения.....	стр.3
Заметки о литературной жизни.....	стр.50

На стр. 1 – В. Весновский. «Прогулка». Фрагмент.

Издательство «Арника»
Вологда, Челюскинцев, 32
160009, Россия
www.arnika35.ru

тел.: +79210611470

Редактор-составитель,
технический редактор
А. С. Алексичев

Тираж – 500 экз.

[150р]

Коллаж.

*В. Коротяев (слушатель Высших литературных курсов),
О. Фокина, Н. Груздева, В. Белов – студенты Литературного
института и.и. А. М. Горького. Справа – С. Викулов.*

Рисунок из журнала «Крокодил», 1960-е гг.

Нина Груздева

Мы не всё друг другу рассказали

Избранные стихи
известной русской поэтессы Нины Васильевны Груздевой,
написанные в разные годы.

Заметки о литературной жизни.
Вологда, Москва – с 60-х годов XX века до наших дней.

Вологда
2016